

СКАЗКИ

ДЛЯ

САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

ДРУЖИ

ЕЛАВДИ ТҮРКІШСЕВІР

КАЗКИ

для

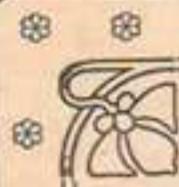
самыхъ маленькихъ

дѣтей.

ПОСВЯЩАЮ

моему дорогому внуку

Борису.

Отдѣлъ I.

Для мაлютоокъ

отъ 3 до 5 лѣтъ.

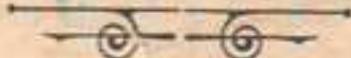

СКОКЪ-ПОСКОКЪ.

(ПРИБАУТКА).

Ско́къ-поско́къ, молодой дроздо́къ,
По водичку пошель, молодичку нашель.
Молодиченька невеличенъка,
Сама съ вершокъ, голова съ горшокъ.
Шу-вы, шу-вы,—полетѣли,
На головку дѣткъ сѣли,
Сѣли, сѣли, посидѣли,
Да и прочь полетѣли.

Барашеньки.

(ПРИБАУТКА).

Барашеньки, крутороженьки,
По горамъ ходять, по лѣсамъ бродятъ,
Въ скрипочку играютъ, Борю потѣшаютъ.
А совища изъ лѣсища глазами-то хлопъ,
хлопъ,
А козлище изъ хлѣвища ногами-то топъ,
тонъ.

З а й к а.

(ПЪСЕНКА).

Ходить зайка по саду, по саду,
Щиплетъ травку лебеду, лебеду;

Онъ и въ ротъ не беретъ, не береть,
Во мѣшочекъ все кладеть, все кладеть,
Дѣткамъ въ яслицы несетъ, все несетъ.

Комаръ-комарище.

C

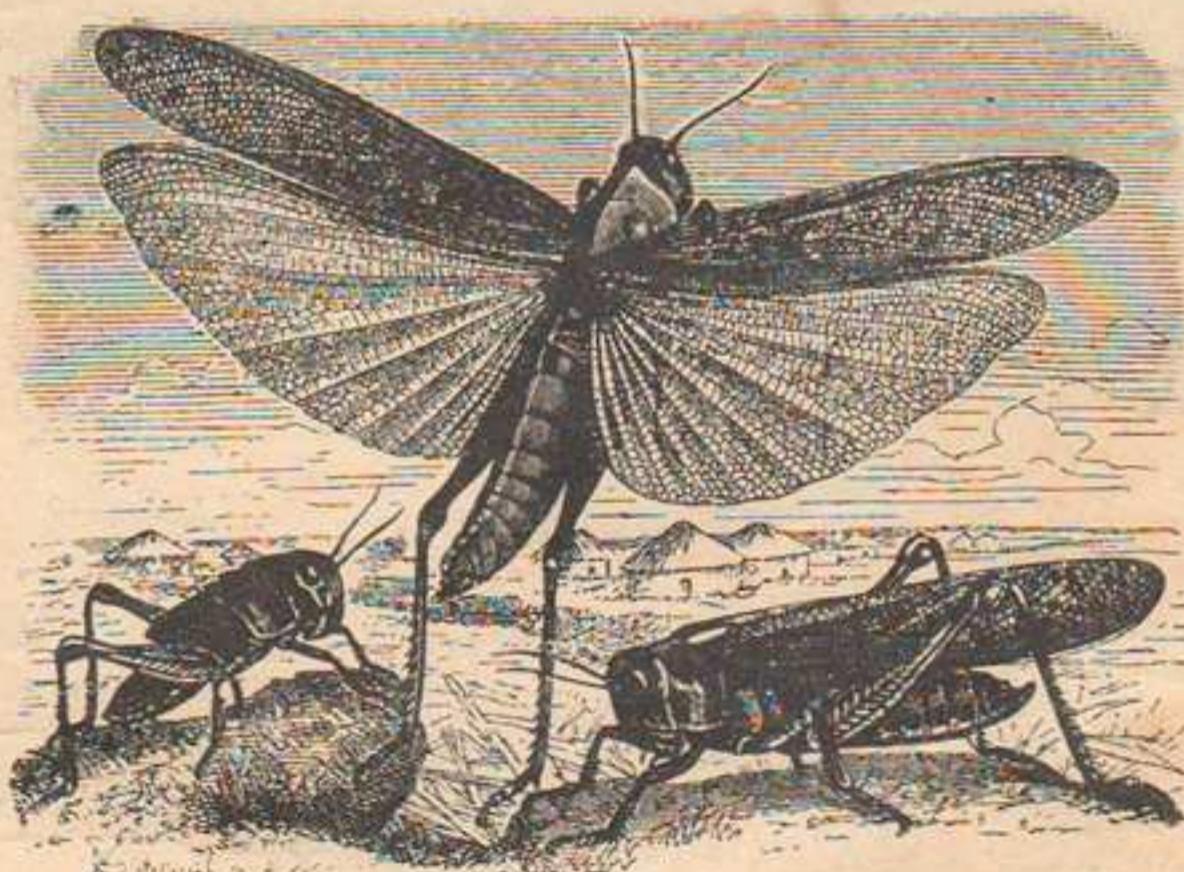
тукнуло-грохнуло въ лѣсищѣ; это съ дуба свалился комаръ-комарище. Упалъ комаръ на корнище и расшибъ до крови головищу.

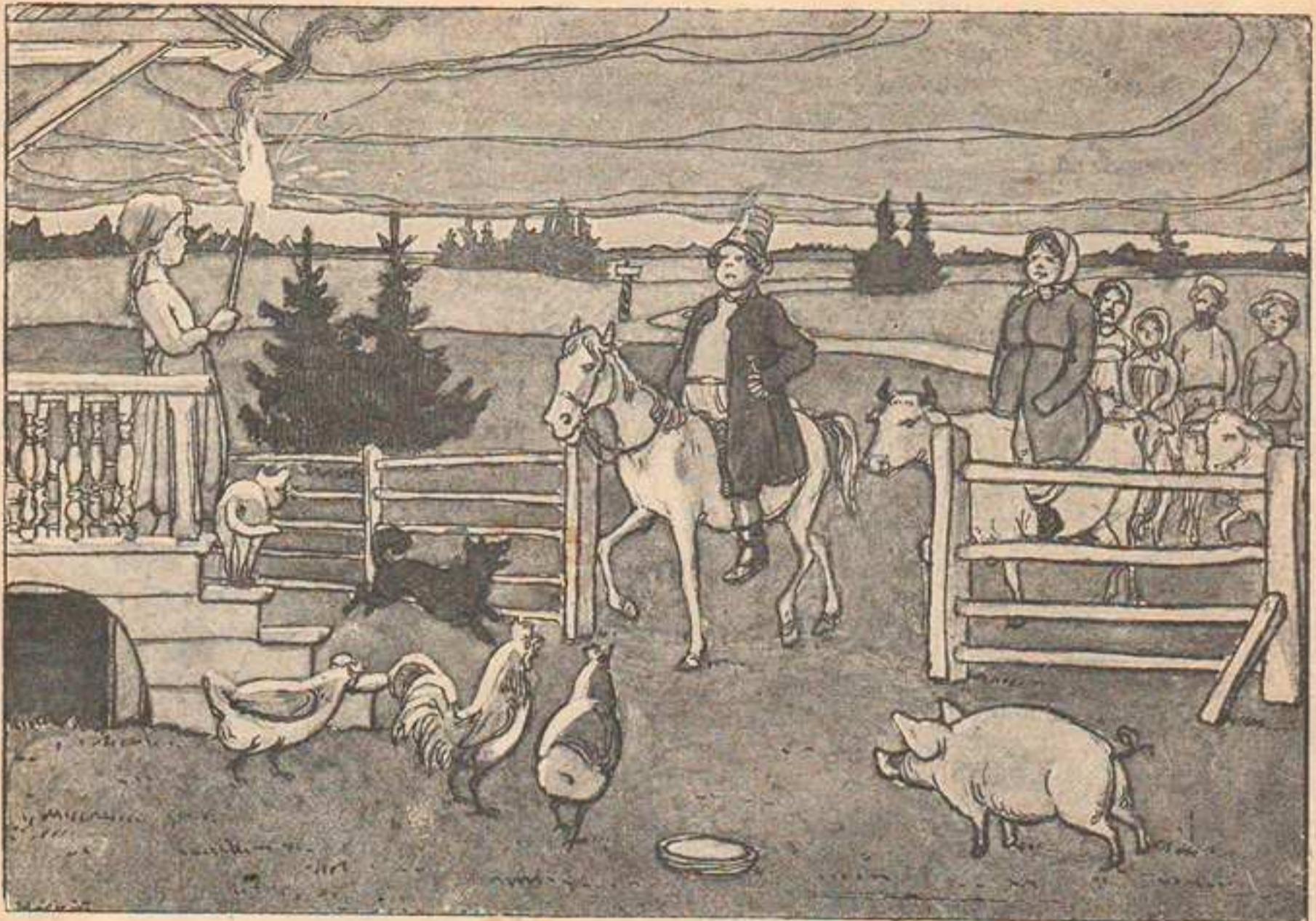
Слетѣлись мухи-горюхи, славныя громотухи.

Стали онъ летать, стали жужжать и комара утѣшать:

— Ахъ ты нашъ милый комарь-комарикъ, жаль намъ тебя, сударикъ! Пришло время тебѣ умирать... Гдѣ намъ тебѣ погребать?

— Милыя мои мушки-горюшки, веселыя мои подружки! Снесите меня въ зеленую дубравку, положите на травку-муравку. Тамъ будуть комары да мушки летать и меня, комара, вспоминать: «Тутъ де лежитъ нашъ другъ-дружище — славный богатырь-комарище!»

Лу чи на.

(ПРИВАУТКА).

Лучина, лучина,
Я тебя сушила.
Гори, гори ярко,
Пріѣдетъ Захарко.
Самъ-то на лошадкъ,
Жена на коровкъ,
Дѣтки на теляткахъ,
Слуги на козляткахъ.

Тень-тень-потетень!

T

ень-тень-потетень!

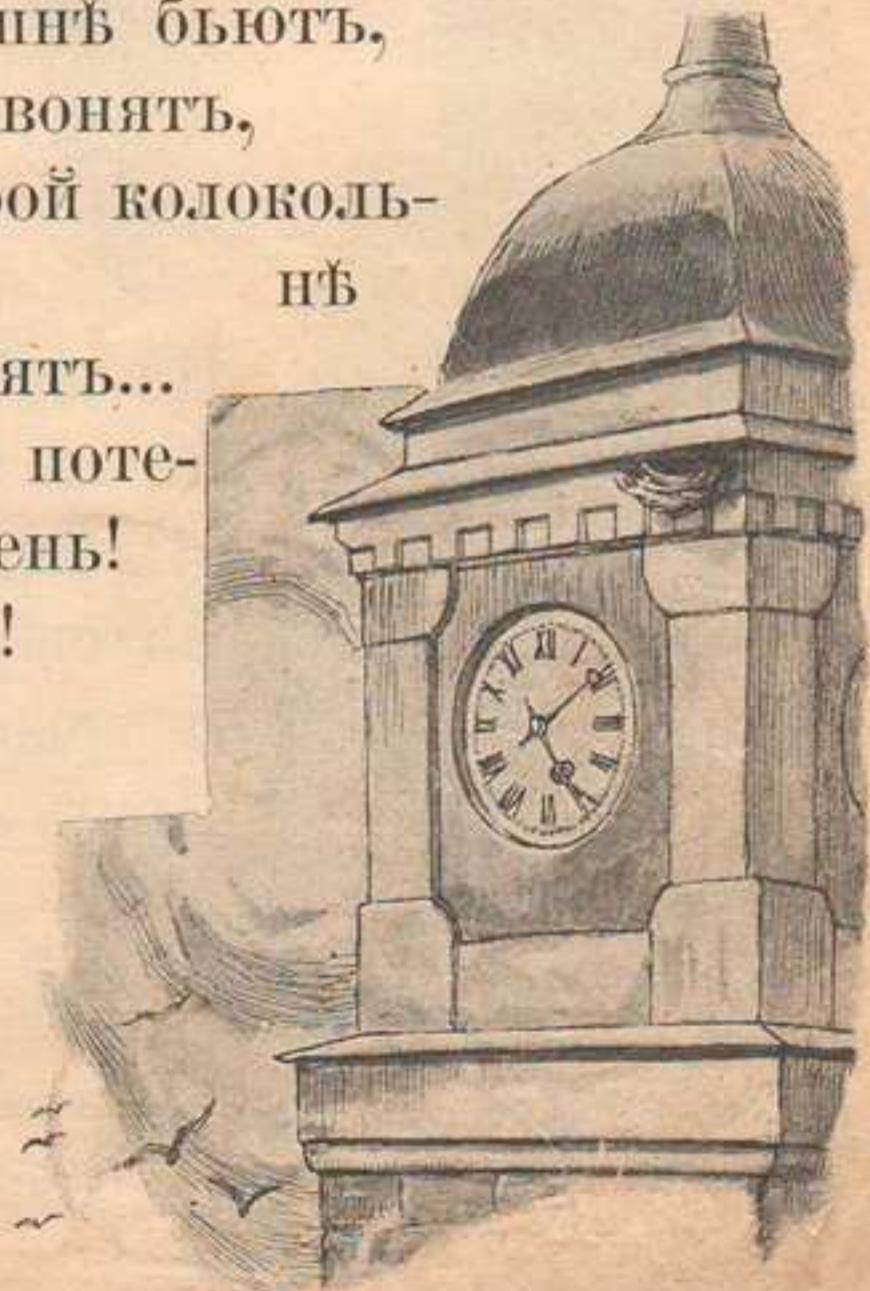
Какъ надъ городомъ тень-тень!
Звонилъ тень-потетень,
На Петровъ на весь день.

Какъ на башнѣ бьють,
На соборѣ звонять,
Какъ на старой колоколь-
нѣ

И часы говорятъ...

Тень - тень - поте-
тень!

Какъ надъ городомъ тень-тень!
Звонилъ тень-потетень,
На Петровъ на весь день!!

Въ чистомъ полѣ дубъ стоять.

Въ чистомъ полѣ дубъ стоять,
На дубу сова сидить.
Что ты, совушка-совы,
Разудала-голова,
На дубу одна сидишь
Да не весело глядишь?
«Слыши: въ полѣ громъ гремить,
Во сыромъ бору шумить;
Я грозы боюсю-ю-ю-ся.
Ночи здѣсь дожду-у-у-ся...»

Р ъ п а.

днажды говорила о себѣ рѣпа:

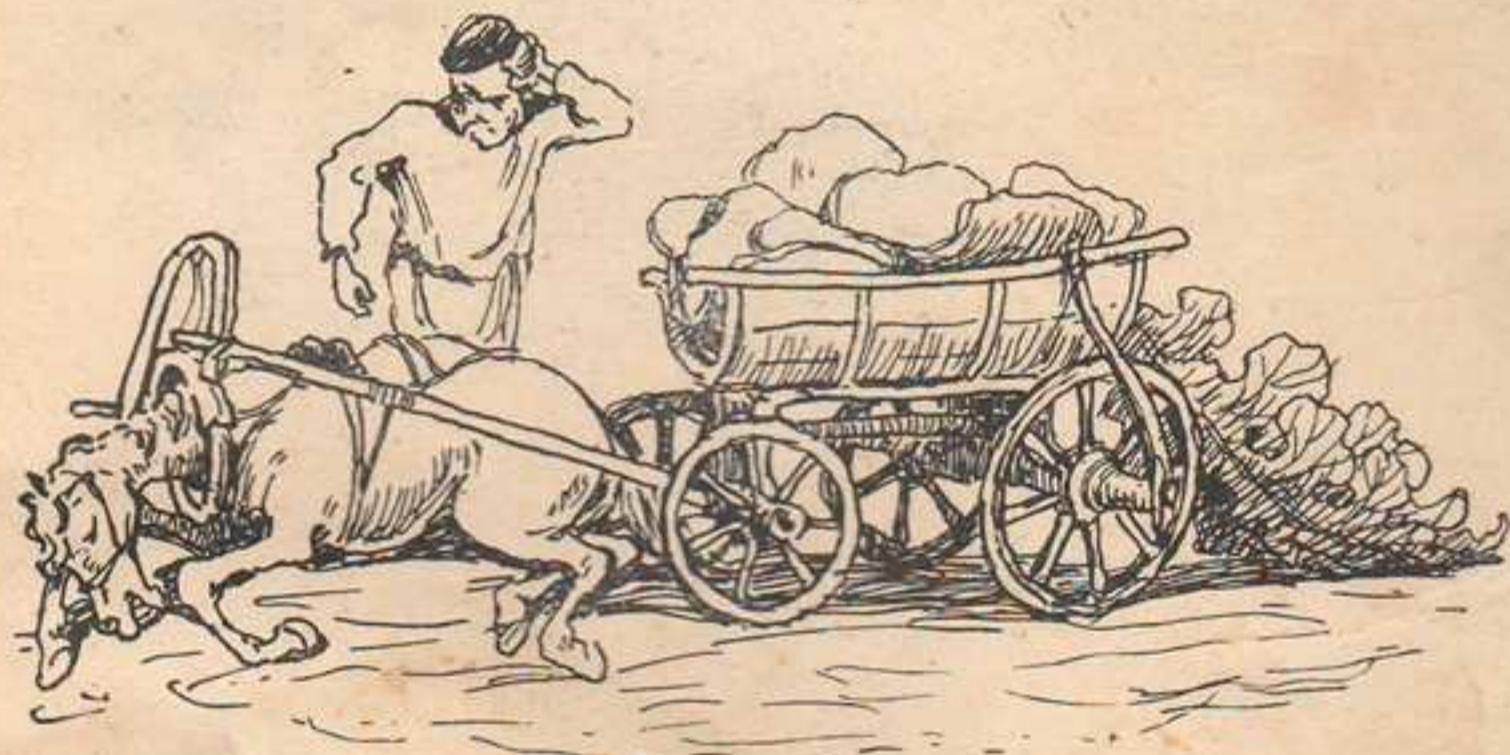
— Я, рѣпа, съ медомъ хороша.

Отвѣчалъ ей медь:

— Поди прочь, хвастунья. Я и безъ тебя
хорошъ.

А была та рѣпа важная, дивилась старуха каждая. Однимъ днемъ ея не обойдешь кругомъ. Отъ той рѣпы половину мы съ семьей недѣлю ъли, да и то не одолѣли. Другую половину еще недѣлю ъли, едва, едва одолѣли. Корку на тельгу навалили, всѣ колеса обломили. Лошадь повезла, да такъ и залегла.

«Вотъ такъ рѣпа важная», дивилась старуха каждая.

Что видѣла бабушка Арина

Бабушка Арина, куда ты ходила?

— Въ новую деревню, милый!
Въ новую деревню!

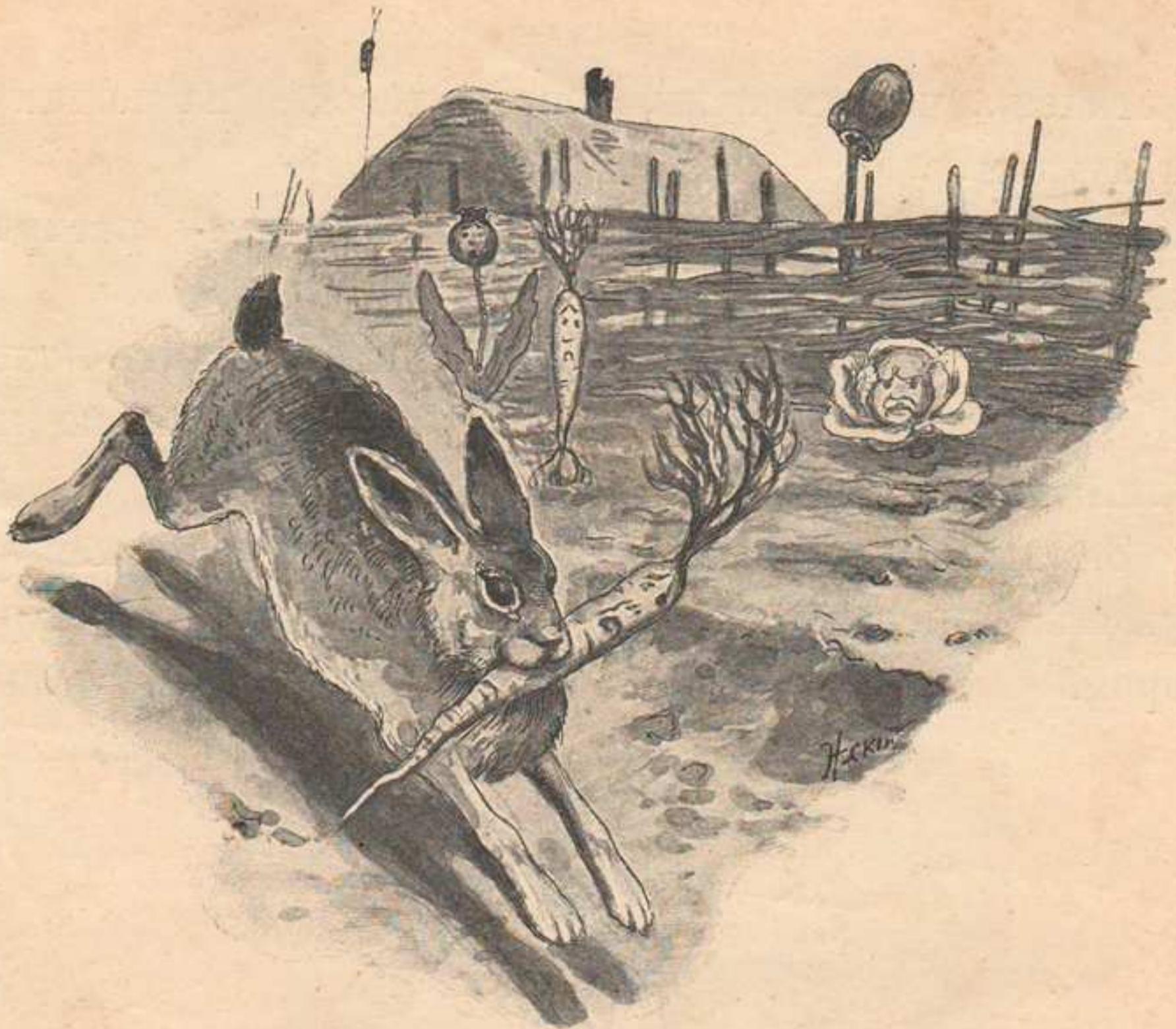
— Бабушка Арина, что ты тамъ
видала!

— Видала я диво, милый, диво я видала!..

— Бабушка Арина, какое же диво?

— Уточка-то въ юбкѣ, кочетокъ въ сапожкахъ, коровушка въ рогожкѣ... Бѣгутъ по дорожкѣ... Это присказка, мой милый, сказка будеть впереди.

Вотъ такъ диво!

T

анцovalа морковь съ макомъ, а петрушка съ пастернакомъ. А капуста-то дивилась, что подружка веселилась.

Вдругъ, отколъ ни возьмися, косой заяцъ появился, за морковку ухватился и бѣжать съ нею

пустился... черезъ пень, черезъ лѣсокъ, на поляну, на лужокъ.

Тутъ сорока повстрѣчалась и съ испугу раскричалась:

«Вотъ такъ звѣрь! Онъ больно лютъ, тащить ношу въ цѣлый пудъ! Кабы мнѣ такою быть, столько на спинѣ тащить!»

Заника все скокъ да скокъ, черезъ пень, черезъ лужокъ; прискакалъ къ себѣ домой и устроилъ пиръ горой.

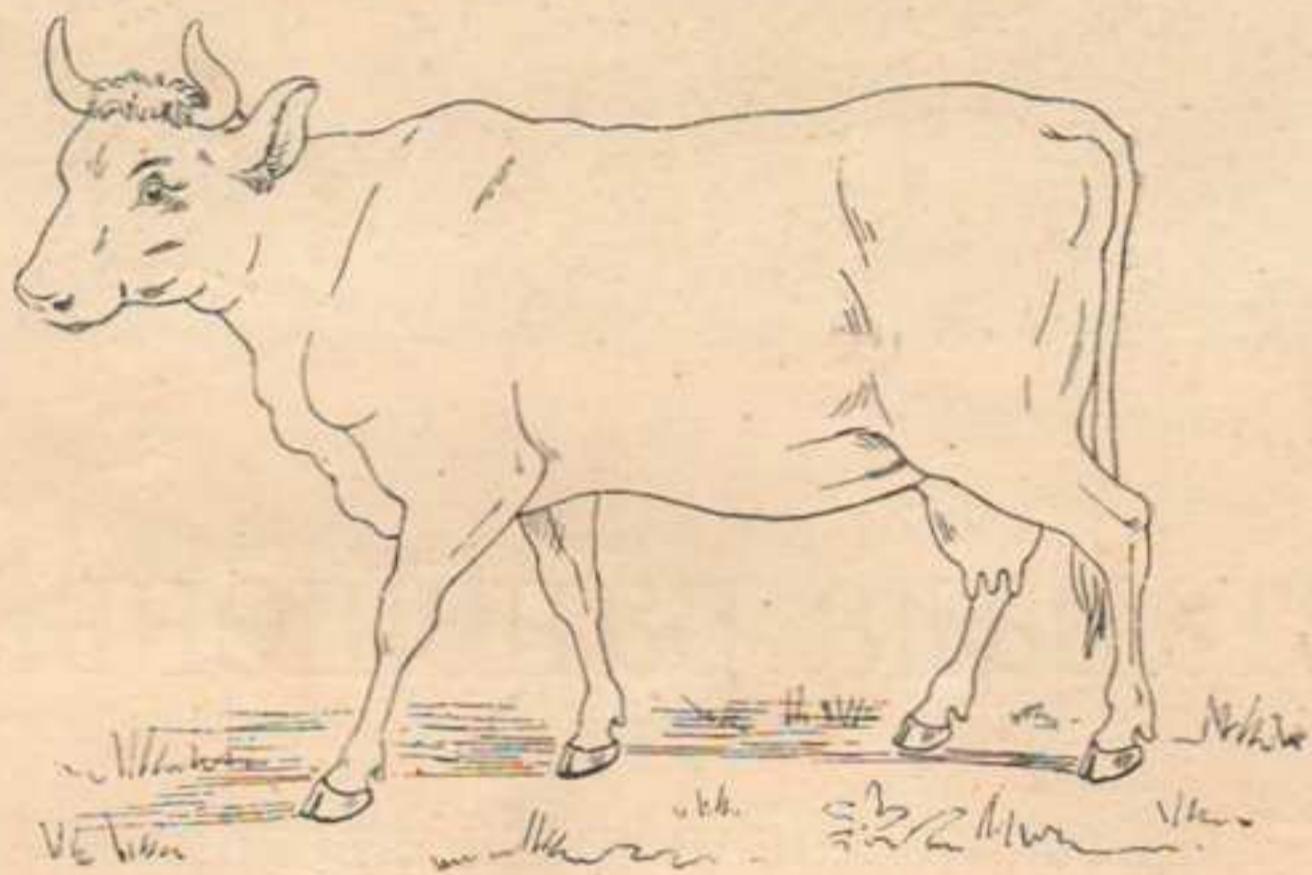
Вставала ранешенько.

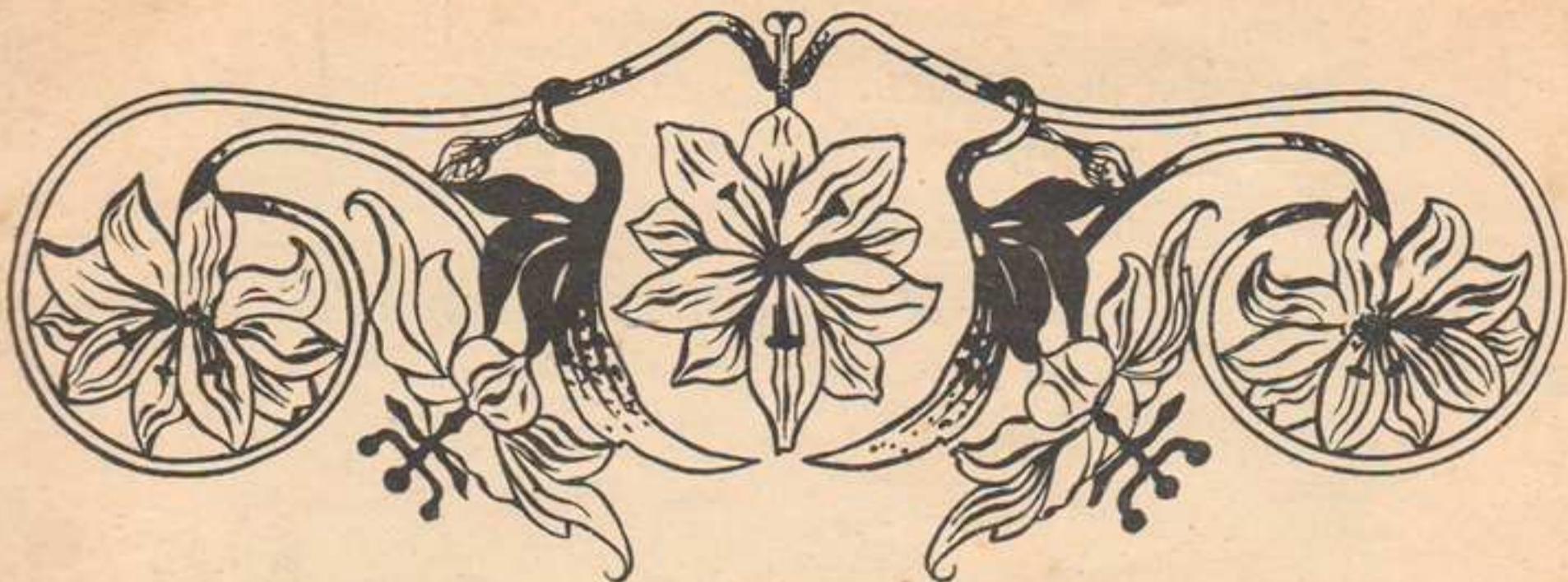
(ДѢТСКАЯ ХОРОВОДНАЯ ПѢСЕНКА).

Вставала я ранешенько,
Умывалась бѣлешенько,
Гнала коровушку на травушку,
На зеленую муравушку.
Я медвѣдя испугалася,
За ракитовъ кустъ бросалася.
Пригнала корову на рѣку,

Увидала медвѣдя во лѣску.
«Ужъ ты, батюшка, ты, медвѣдюшка,
Не дери мою коровушку,
Не губи мою головушку».

Лисица и тетеревъ.

Бжала лисица по лѣсу; увидѣла тетерева и говорить ему:

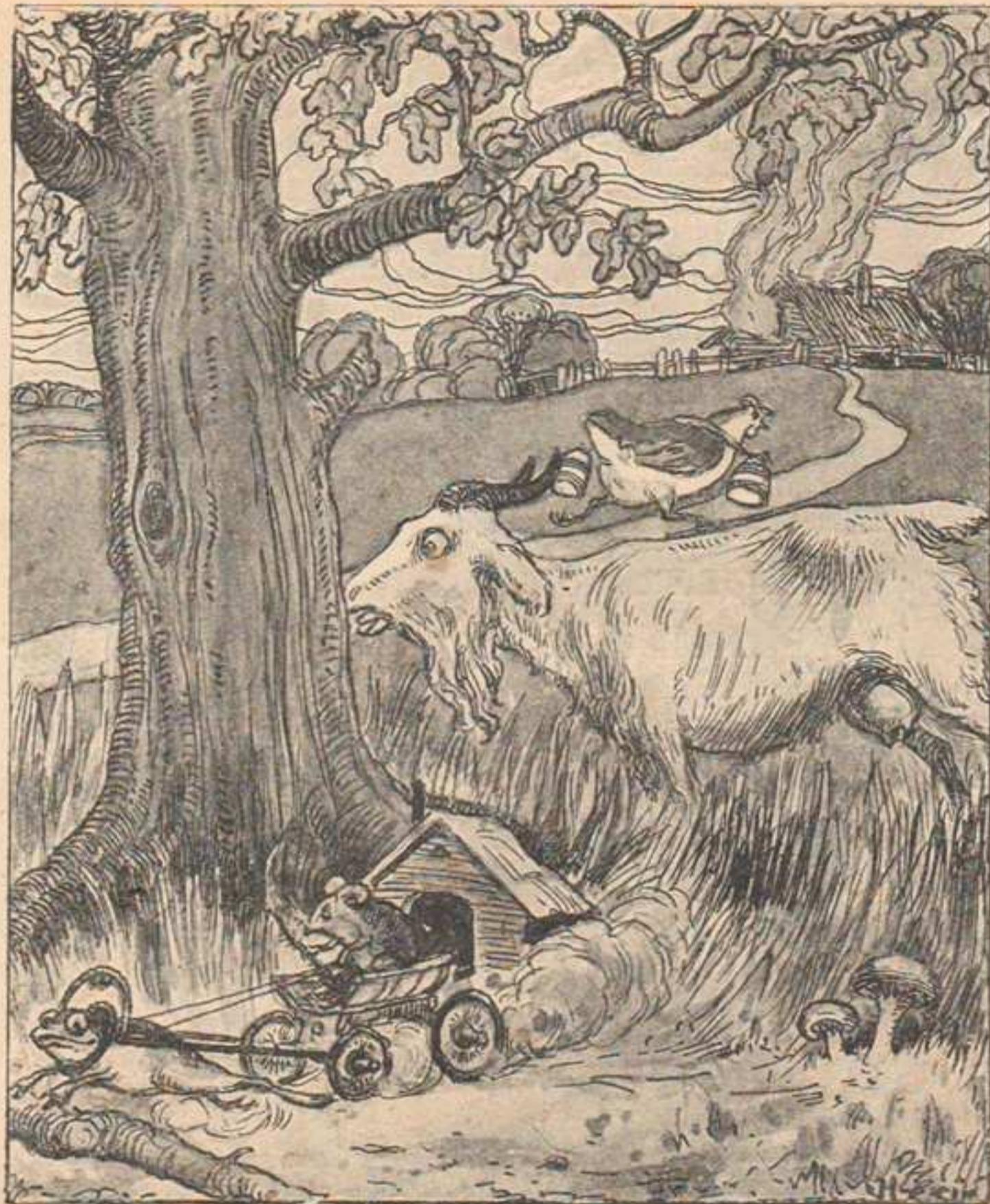
- Терентій, Терентій! Я въ городѣ была.
- Бу-бу-бу! Была, такъ была.
- Терентій, Терентій! Я указъ добыла.
- Бу-бу-бу! Добыла, такъ добыла.
- Чтобы вамъ, тетеревамъ, не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ.
- Бу-бу-бу! Гулять, такъ гулять.

Въ это время по дорогѣ раздался конскій топотъ и собачій лай.

- Терентій, кто тамъ ѿдетъ? — спросила лисица.
- Мужикъ.
- А кто за нимъ бѣжитъ?

- Жеребенокъ.
— А какъ у него хвостъ?
Крючкомъ.
— Ай, ай... Ну, прощай, Терентій! Мнъ до-
ма недосугъ.

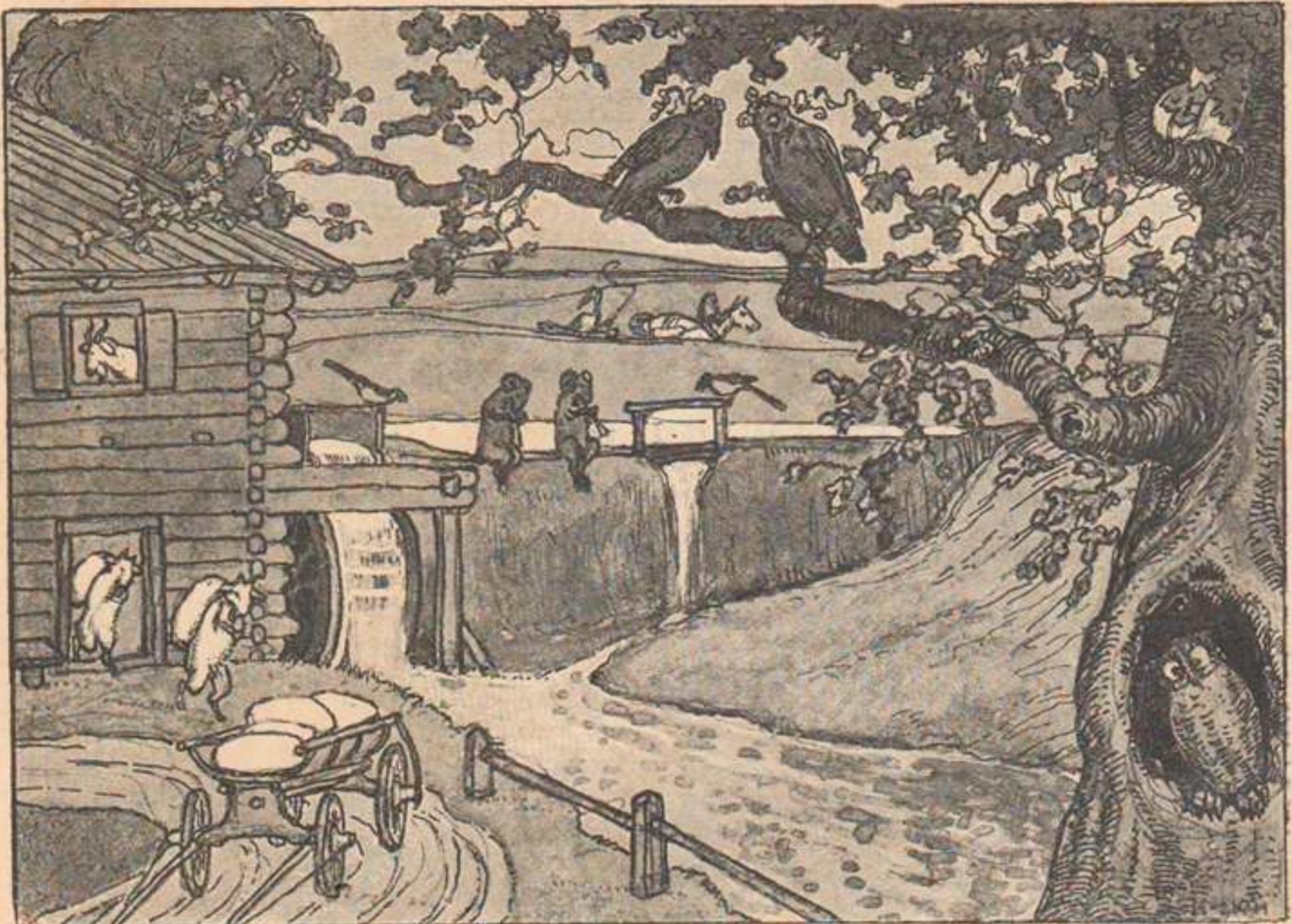
Кошкинъ домъ.

(ПРИБАУТКА).

Донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся кошкинъ домъ.
Бѣжитъ курочка съ ведромъ,
Заливаетъ кошкинъ домъ.

Коза выскошила,
Глаза выпутила,
Подбъжала къ дубу,
Прикусила губу.
У этого дуба
Одна мышка жила,
Всѣмъ мышатамъ она
Кумой-кумушкой была...
Увидала козу,
Укатила на возу...
Бѣжитъ коза на базарь
Всему свѣту разскaзать.

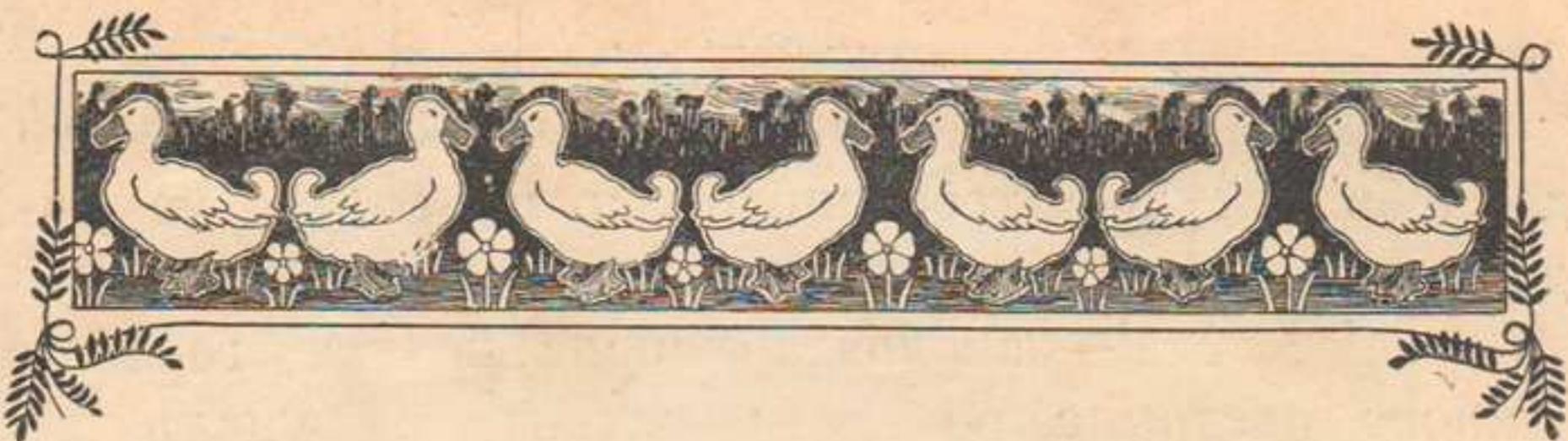
Зайчикъ-сватъ.

Зайчикъ ты, зайчикъ, коротеньки ножки,
На этихъ на ножкахъ сафьянны сапожки.
Куда снарядился, куда припустился?
А я скокъ-поскокъ во лѣсокъ, во лѣсокъ.
Надо мнъ спѣшити медвѣдя женити.
Медвѣдь-то мнъ дядя, лисица—сестрица,
Званъ я сватомъ, комаръ—проводатымъ,

Дроздъ на рябинъ, сова на болотъ
Мохъ таскаютъ, домъ прибираютъ.
Журавль долгоногій бѣжалъ по дорогъ,
На мельницу ъздилъ, диковинку видѣлъ:
Коза муку мелеть, козель насыпаетъ,
Козлятки маленьки муку выгребаютъ,
А барашки кругорожки въ дудочку играютъ,
А сороки бѣлобоки пѣсней потѣшаютъ,
А вороны наряжены пошли танцовати,
А совища ножкой топъ, топъ, глазищами хлопъ.

ХЛОПЪ.

Ворона и ракъ.

Летѣла ворона надъ озеромъ; смотрѣть—ракъ ползетъ. Ворона хапъ его, схватила въ клювъ и поднялась съ нимъ. Сѣла она на дерево и собралась закусить.

Видѣть ракъ, что дѣло плохо, что приходится ему пропадать, и говоритъ воронѣ:

— Эй, воронушка-голубушка, зналъ я твоихъ батюшку и матушку. Славныя были птицы!

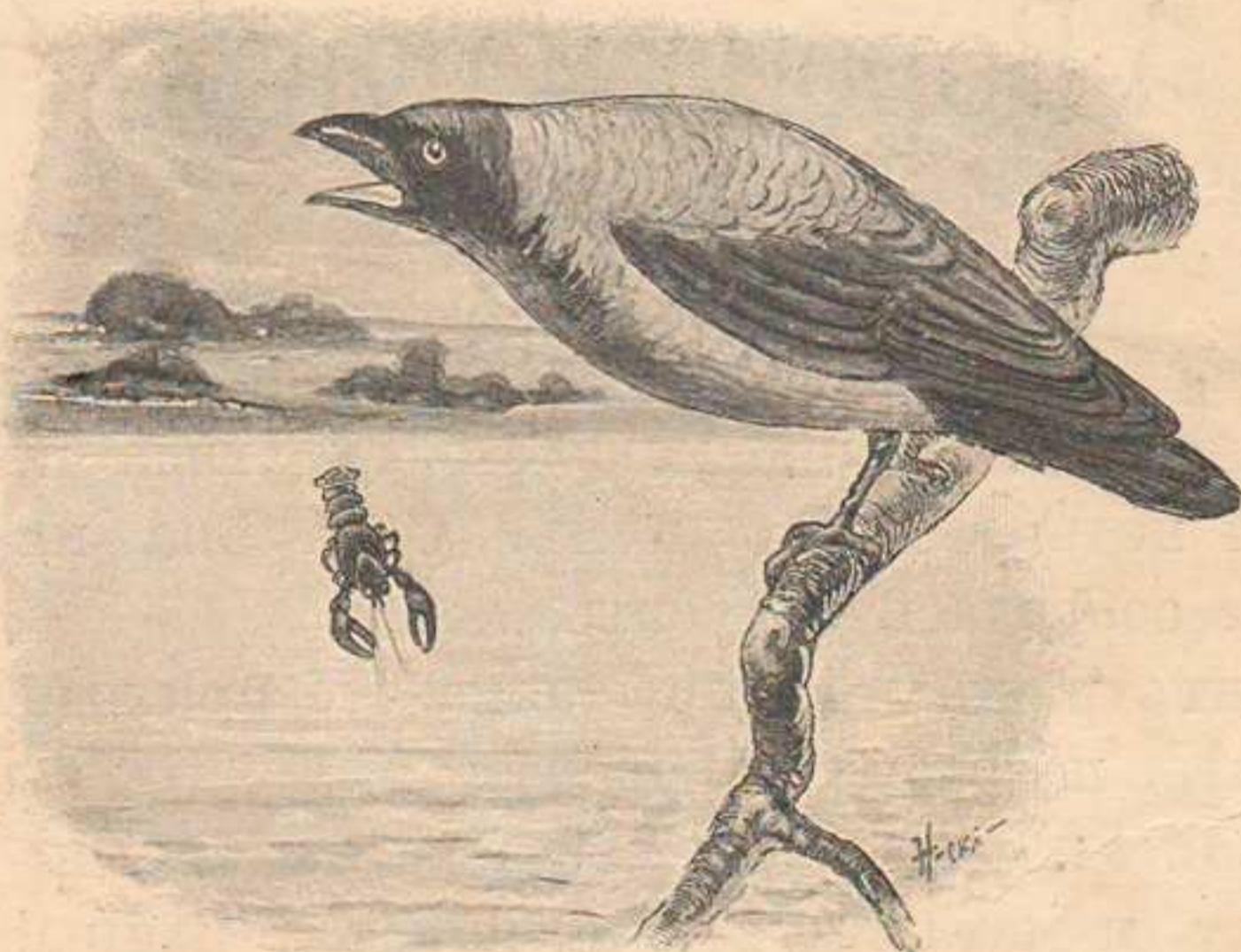
— Угу, угу,—отвѣчала ворона, не раскрывая рта.

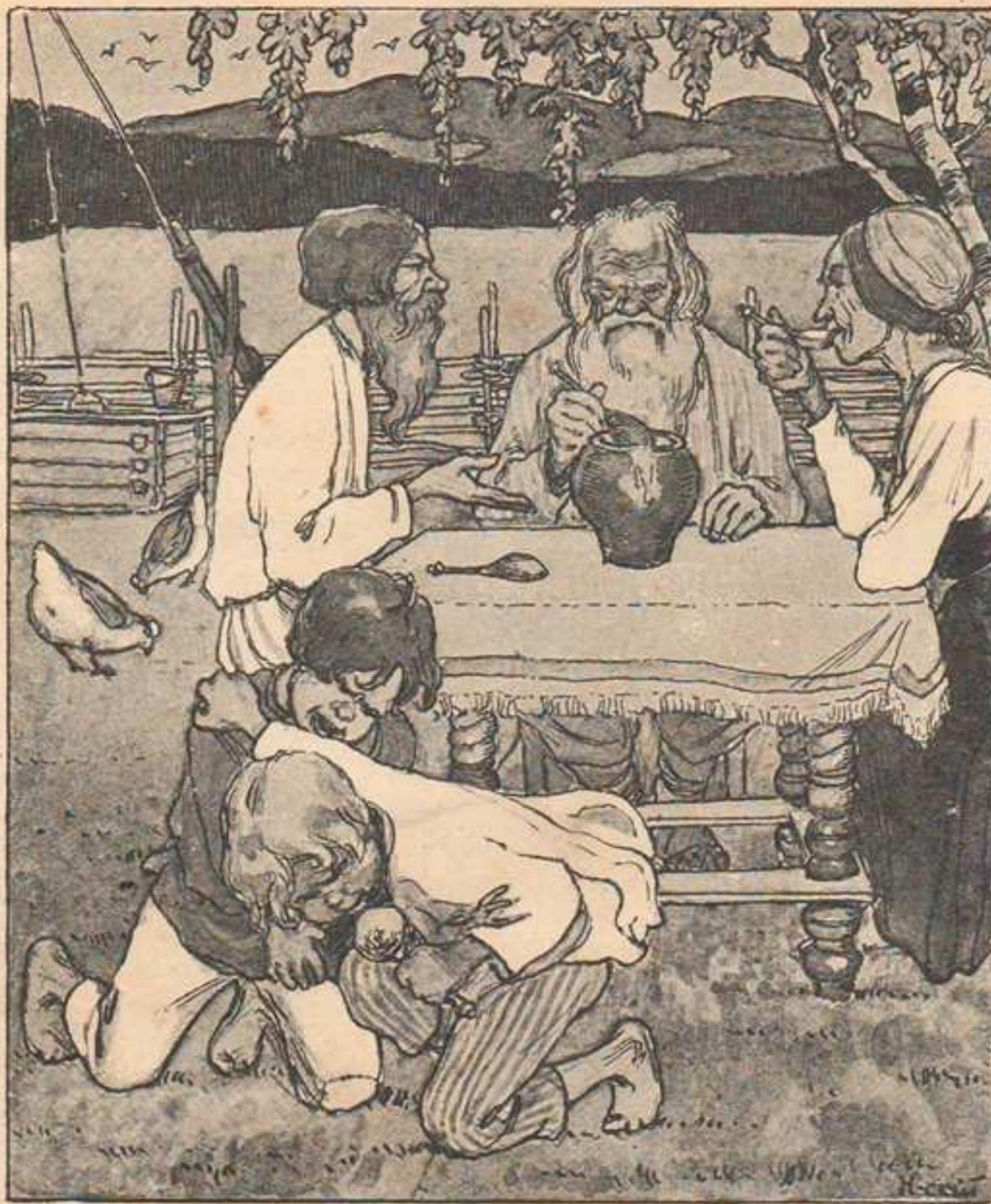
— И братцевъ твоихъ и сестрицъ твоихъ зналъ...
Добрыя были пташки!

— Эге, эге,—сказала ворона и еще крѣпче за-
жала клювъ.

— Хороши были твои родственники... а далеко до тебя!.. Лучше тебя никого я на свѣтъ не видывалъ...

— Ага, ага!—закричала ворона во все горло и широко раскрыла ротъ... А ракъ-то и упалъ въ озеро.

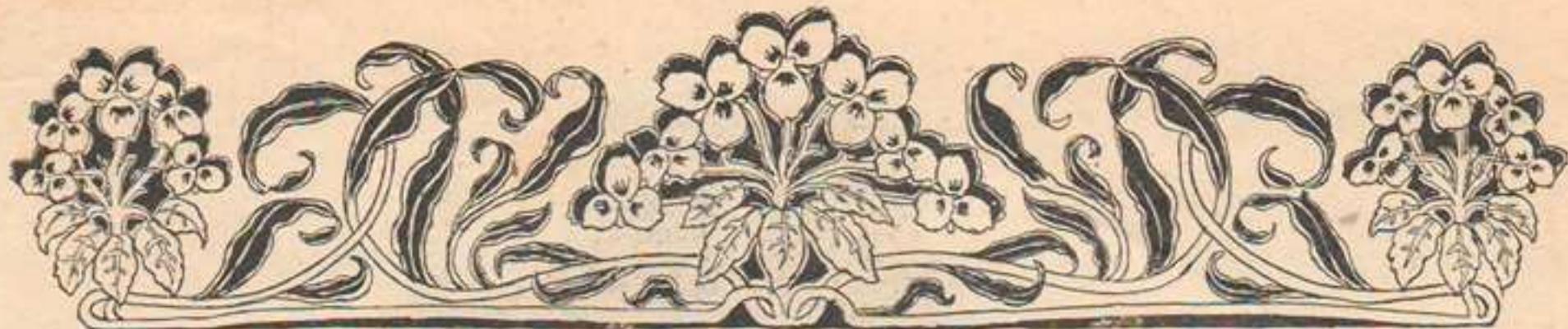

Тетушка Арина и дядюшка Симеонъ.

Изъ-за лѣса, изъ-за горъ
Пришелъ дѣдушка Егоръ.
Тетушка Арина
Кашку варила.
А ужъ дядя Симеонъ

Вариль патку съ имбиремъ.
Патока, патока,
Вареная сладка,
Вареная съ имбиремъ.
Вариль дядя Симеонъ,
Тетушка Арина
Кушала, хвалила.
А ужъ Федоръ да Борисъ
Изъ-за патки подрались.
Тутъ висить мочала,
Начинай сначала.

Курочка и пѣтушокъ.

или-были курочка и пѣтушокъ. Пошли они въ лѣсъ за орѣхами. Пѣтушокъ взлетѣлъ на орѣшникъ, а курочку оставилъ на землѣ. И стала онъ орѣхи собирать да курочкѣ бросать. Пѣтушокъ кидаетъ, а курочка подбираетъ.

Вотъ кинулъ пѣтушокъ одинъ орѣшекъ и вышибъ курочкѣ глазокъ. Пошла курочка и заплакала.

По дорогѣ ѿхали бояре и спрашиваютъ:

— О чѣмъ ты, курочка, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать? Пѣтушокъ мнѣ вышибъ глазокъ!

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, зачѣмъ ты вышибъ курочкѣ глазокъ?

— Я ничего не видаль: мнѣ орѣшникъ штанишки разодралъ.

— Орѣшникъ, орѣшникъ, зачѣмъ ты пѣтушку штанишки разодралъ?

— Какъ же мнъ не разодратъ, если козы меня
принялись гладать?

— Козы, козы, зачѣмъ вы орѣшникъ приняліесь
гладать?

— Какъ же намъ орѣшникъ не гладать, коли пас-
тухи нась водой не поили и травой не кормили?

— Пастухи, пастухи, что же вы козъ не стерегли,
не берегли?

— Насъ хозяйка все браница и блинами не кормила.

— Хозяйка, хозяйка, отчего ты пастуховъ браница и блинами не кормила?

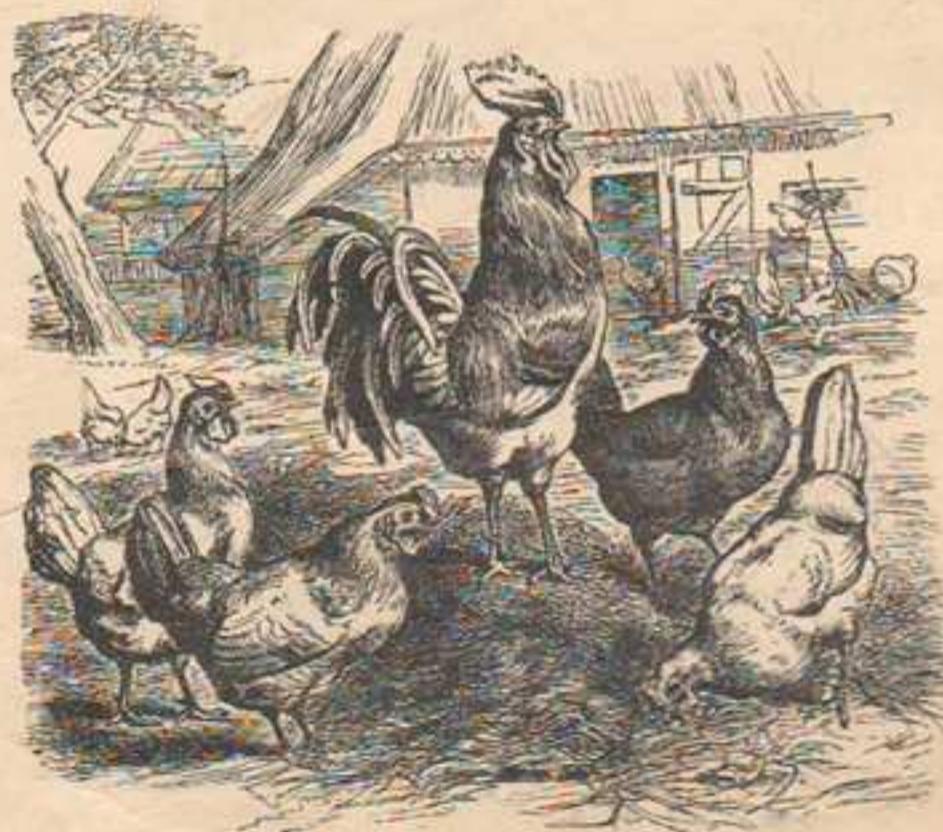
— У меня свинья въ хату забрела и всю опару пролила.

— Свинья, свинья, зачѣмъ ты въ хату забрела и у хозяйки опару пролила?

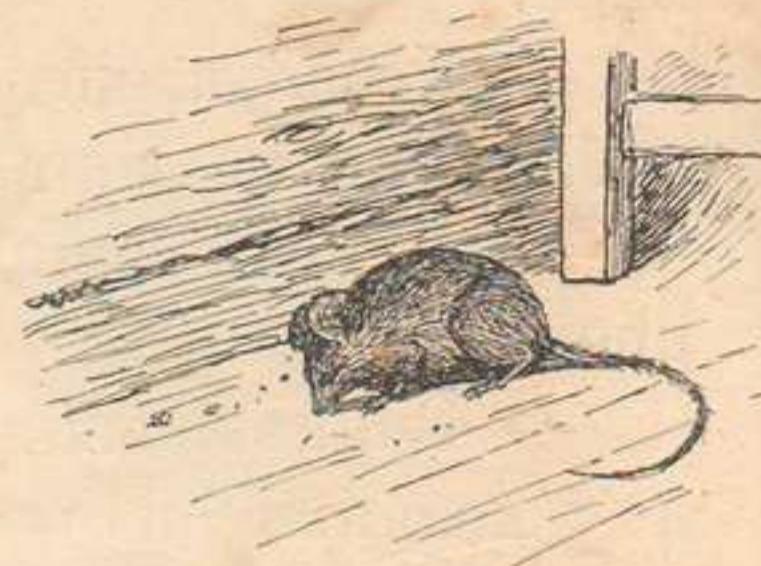
— Я скучала, своего поросеночка искала. У меня волкъ поросеночка унесъ.

— Волкъ, волкъ, зачѣмъ ты у свиньи поросеночка унесъ?

— Мнѣ мой желудокъ повелѣлъ: я очень Ѵсть захотѣлъ!

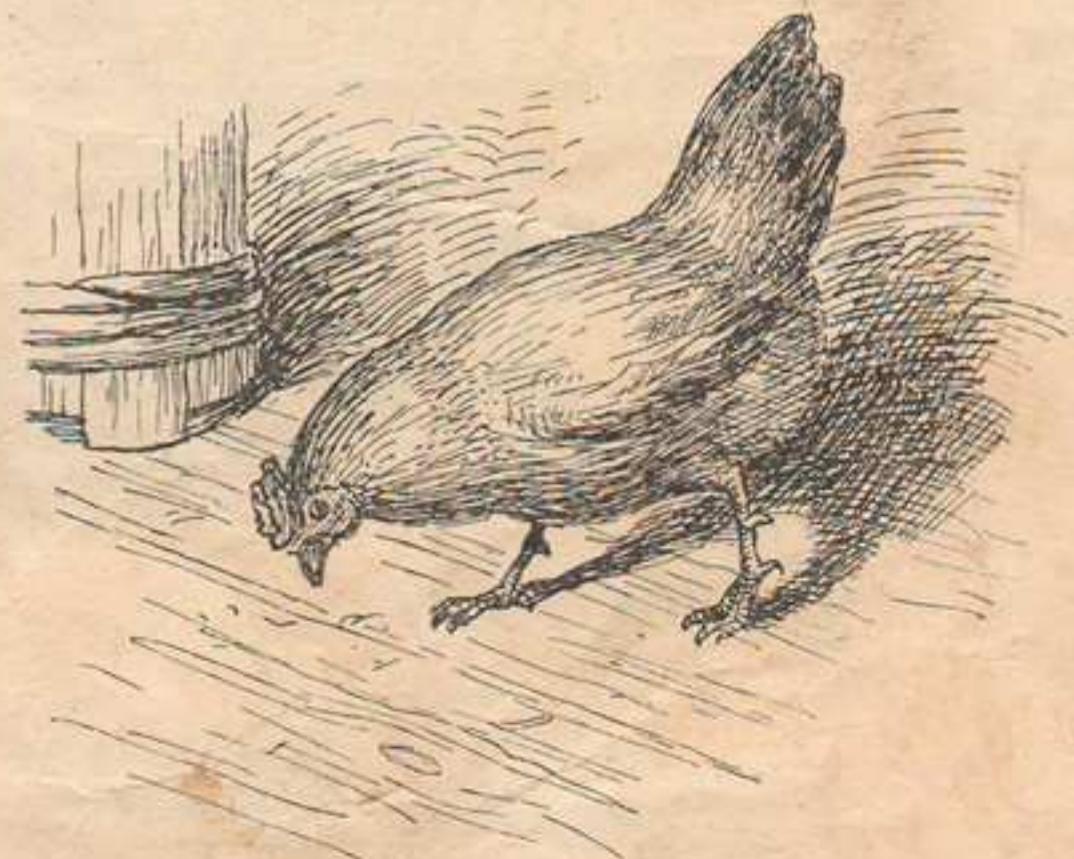

Работники.

Наша-то хозяюшка
смѣтлива была,—
Всѣмъ въ избѣ рабо-
тушку къ празднику
напла:

Чашки - то собачка
моеть язычкомъ,
Мышка собираеть
крошки подъ окномъ,
По столу котище
лапою скребеть,
На полу-то курочка
сорь мететь-клюетъ.
Какова хозяйка!

Пузырь, соломинка и лапоть.

или-были пузырь, соломинка и лапоть; по-
дружились и разговорились.

Попали они въ лѣсъ дрова рубить; дошли
до рѣки. Какъ черезъ рѣку перейти? Думаютъ,
гадаютъ, а какъ перейти не знаютъ.

Лапоть и говорить пузырю:

— Пузырь, давай, мы на тебѣ переплыемъ.

Пузырь отвѣтъ:

— Нѣть лапоть.

А лапоть снова:

— Пузырь, давай...

А пузырь въ отвѣтъ:

— Нѣть... Пусть соломинка перетянетъ съ бе-
рега на берегъ...

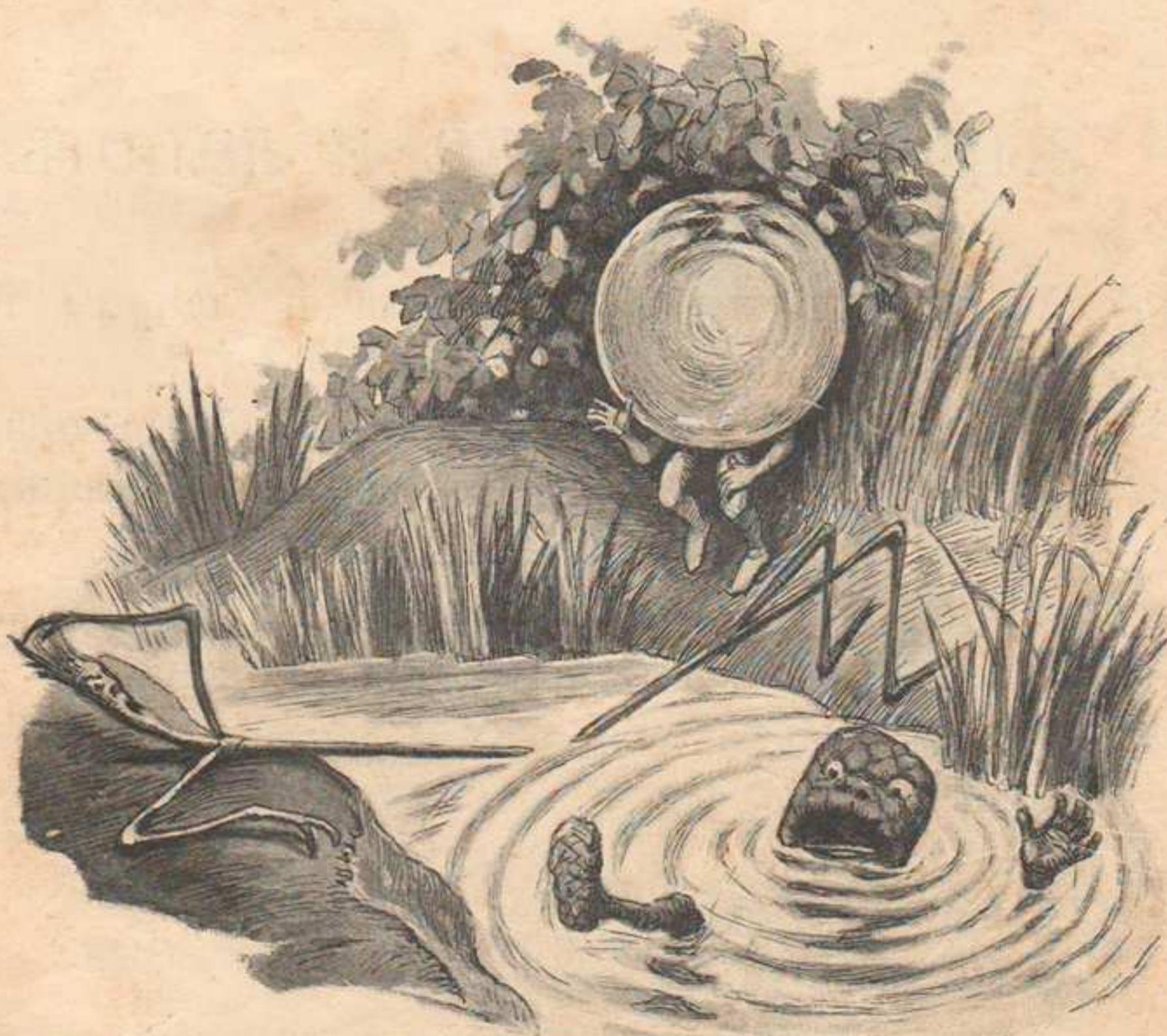
— Мы по ней и перейдемъ! — радостно крикнулъ
лапоть.

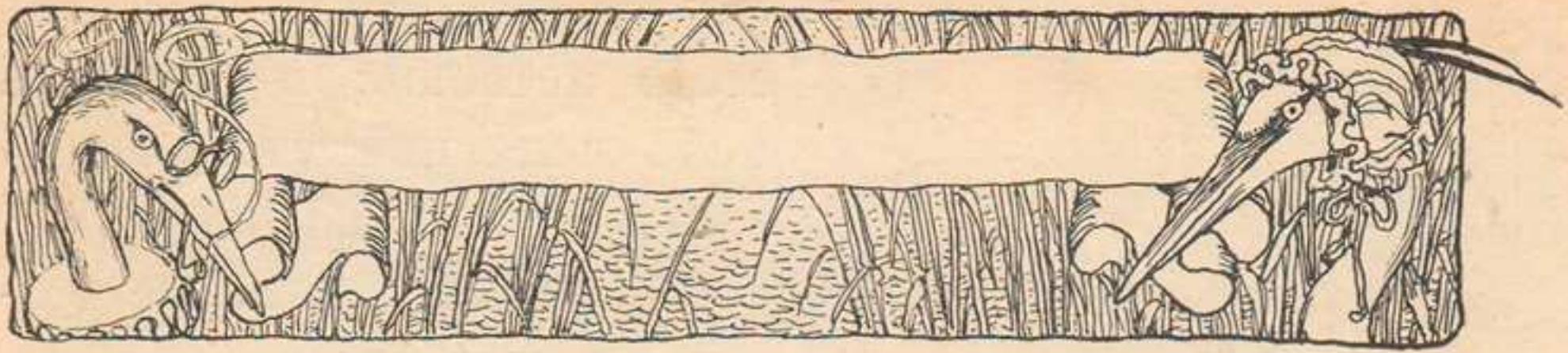
Дѣлать нечего. Соломинка перетянулась.

Лапоть пошелъ по ней,—она и переломилась.

Лапоть упалъ въ воду.

А пузырь хохоталъ-хохоталъ, да и лопнула.

Журавль и цапля.

(СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ, да не скоро дѣло
дѣлается).

Или-были на болотъ журавль да цапля; построили они себѣ по краямъ болота избушки. Журавлю скучно стало жить одному и задумалъ онъ жениться. «Дай-ка пойду я посватаюсь къ цаплѣ».

Пошелъ журавль по болоту: шлепъ, шлепъ, шлепъ... Семь верстъ болото мѣсишь. Приходитъ и спрашиваетъ:

- Дома ли цапля?
- Дома! Что тебѣ надо?
- Выдь за меня, цапля, замужъ!
- Ой, нѣть, журавль. Не пойду за тебя замужъ...

Вонъ ты какой: ноги долгія, платье короткое, самъ

худо летаешь; и кормить
тебъ меня нечѣмъ. Ступай
прочь, долговязый!

Журавль такъ, не со-
лоно похлебавши, и ушель
домой. Цапля послѣ сама
съ собой пораздумала и
пожалѣла: «Зачѣмъ я жу-
равля прогнала? Жить одной скучно. Лучше пойду
замужъ за журавля».

Пошла. Тяпъ, тяпъ, тяпъ, тяпъ... Приходитъ къ
журавлю и говорить:

— Журавль, возьми меня за себя замужъ.

— Ну нѣть, цапля, мнѣ тебя не надо. Я
раздумалъ жениться. Не возьму тебя замужъ.

Цапля заплакала со стыда и воротилась назадъ.
Журавль раздумалъ и сказалъ: «Напрасно не взялъ
за себя цаплю; скучно вѣдь одному жить. Пойду и
возьму ее за себя замужъ».

Пошелъ журавль по болоту, семь
верстъ киселя хлебалъ. Шлепъ, шлепъ,
шлепъ, шлепъ... Приходитъ къ цаплѣ
и говорить:

— Цапля, я рѣшилъ
на тебъ жениться. Поди
за меня.

— Охъ, нѣть, журавль, я обидѣлась... Теперь не пойду за тебя замужъ.

Попечь журавль домой. А цапля раздумала: «И зачѣмъ я журавлю отказалася? Лучше пойду за него замужъ».

Пошла по болоту. Тяпъ, тяпъ, тяпъ, тяпъ... Пришла и сватается, а журавль не хочетъ. Такъ-то и ходятъ они по болоту и по сію пору одинъ къ другому свататься, а жениться никакъ не могутъ.

Солнце, Морозъ и Вѣтеръ.

Ш

ель мужичокъ по чистому полю, а навстрѣчу ему Солнце, Морозъ и Вѣтеръ. Мужикъ посреди дороги остановился и въ поясь поклонился. И пошелъ дальше своей дорогой...

— Это мнѣ мужикъ поклонился,—сказали

Солнце.

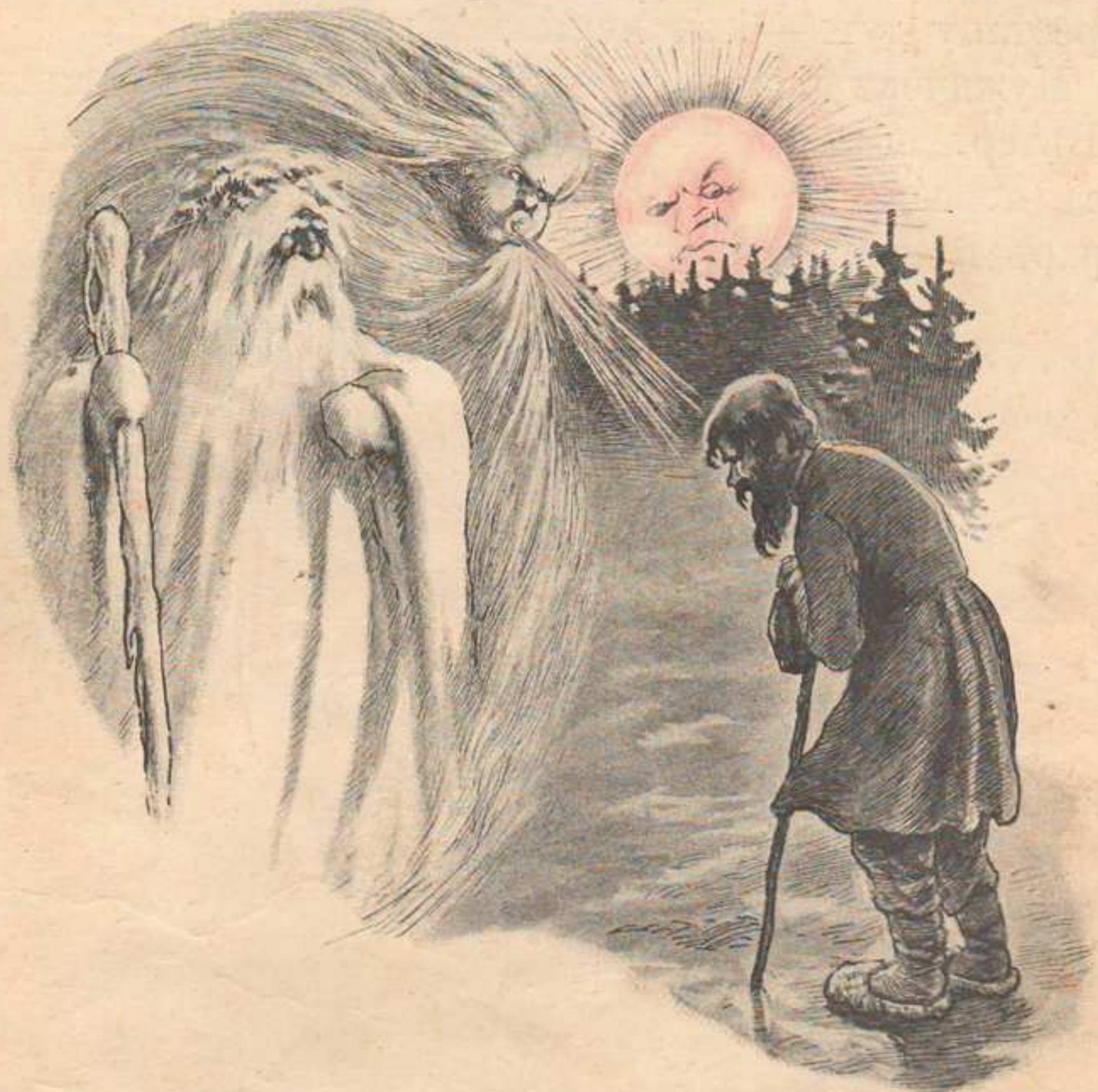
— Нѣть мнѣ,—возразилъ Морозъ.

— Ну, нѣть, не вамъ, а мнѣ!..—крикнулъ Вѣтеръ. Слово за слово, они поспорили; потомъ поссорились... Наконецъ рѣшили догнать мужика и спросить.

Догнали у лѣса, остановили и въ одинъ голосъ спросили:

— Кому ты, мужичокъ, поклонился?

— Вѣтру,—отвѣчалъ мужикъ. Снялъ шапку, поклонился еще разъ и пошелъ дальше.

— А коли такъ, такъ я его испеку, изжарю,— проворчало Солнце.

— Не испечешь... Какъ стану я его обдувать да обвѣвать—не изжаришь,—сказалъ Вѣтеръ.

— Такъ я его заморожу! — крикнула сердито Морозъ.

— Не заморозишь, — возразилъ Вѣтеръ. — Какъ перестану дуть — безъ меня не заморозишь.

Мужичокъ шель да шель. Солнце его палило, а Вѣтеръ обдувалъ. Морозъ его ледянилъ, а Вѣтеръ дуть переставалъ... Такъ и дошелъ мужикъ до дому здравъ и невредимъ.

К о л о б о къ.

и лъ-быль ста-
рикъ со ста-
рухой. Вотъ
и проситъ
старикъ.

— Спеки, ста-
руха, колобокъ.

— Изъ чего

печь-то? — говорить старуха.—Муки нѣту.

— Э-эхъ, старуха! А ты по коробу поскреби, по
сусъку помети,—авось муки и наберется.

Взяла старуха крыльшко, по коробу поскребла,
по сусъку помела — и набралося муки пригоршни съ
двѣ; замѣсила на сметанѣ, изжарила въ маслѣ и по-
ложила на окочечко простудить.

Колобокъ полежаль-полежаль, да вдругъ и пока-
тился — съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу

да къ дверямъ, перепрыгнуть черезъ порогъ въ съни, изъ съней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота—далъше и далъше. Катится колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему заяцъ.

— Колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!

— Не ѿшь меня, косой зайчикъ! Я тебѣ пѣсенку спою,—сказалъ колобокъ и запѣлъ:

«Я по коробу скребенъ, по сусѣку метенъ, на сметанѣ мѣшонъ да въ маслѣ пряжонъ, на оконкѣ стужонъ; я у дѣдушки ушелъ, я у бабушки ушелъ—у тебя, зайца, не хитро уйти!»

И покатился себѣ далъше: только заяцъ его и видѣлъ.

Катится колобокъ, а навстрѣчу ему волкъ.

— Колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!

— Не ѿшь меня, сѣрый волкъ! Я тебѣ пѣсенку спою:

«Я по коробу скребенъ, по сусѣку метенъ, на сметанѣ мѣшонъ да въ маслѣ пряжонъ, на оконкѣ стужонъ; я у дѣдушки ушелъ, я у бабушки ушелъ, я у зайца ушелъ—у тебя, волка, не хитро уйти!»

И покатился себѣ далъше: только волкъ его и видѣлъ.

Катится колобокъ, а навстрѣчу ему медвѣдь.

— Колобокъ, колобокъ, я тебя съмъ!

— Гдѣ тебѣ, косолапому, съѣсть меня! Я по коробу скребенъ, по сусъку метенъ, на сметанѣ мѣшонъ да въ масло пряжонъ, на окошкѣ стужонъ; я у дѣдушки ушелъ, я у бабушки ушелъ, я у зайца ушелъ, я у волка ушелъ,—у тебя, медвѣдя, не хитро уйти!

И опять укатился; только медвѣдь его и видѣлъ.

Катился-катился колобокъ, а навстрѣчу ему лиса.

— Здравствуй, колобокъ! Какой ты хорошенъкій!

А колобокъ запѣлъ:

«Я по коробу скребенъ, по сусъку метенъ, на сметанѣ мѣшонъ да въ масло пряжонъ, на окошкѣ стужонъ; я у дѣдушки ушелъ, я у бабушки ушелъ, я у зайца ушелъ, я у волка ушелъ, у медвѣдя ушелъ,— у тебя, лиса, и подавно уйду!»

— Какая славная пѣсенка!—сказала лиса.—Только я, колобокъ, стара нынче стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разокъ погромче.

Колобокъ вскочилъ лисѣ на мордочку и запѣлъ ту же пѣсню.

— Спасибо, колобокъ! Славная пѣсенка, все бы слушала. Сядь-ка на мой язычокъ да пропой въ послѣдній разокъ.

Сказала лиса — и высунула свой языкъ. Колобокъ прыгъ ей на языкъ, а лиса — амъ его! И скучала.

Грибы.

то было еще когда царь Горохъ съ
гребами воевалъ...

Какъ задумалъ разъ грибъ, загадаль
боровикъ, всѣмъ грибамъ полковникъ,

на войну ити.

Подъ дубочкомъ си-
дючи, на всѣ гробы
глядючи, сталь онъ при-
казывати:

— Приходите вы, бълянки, со мной на войну
итти.

Отказались бълянки:

— Мы грибовыя дворянки... Не пойдемь на войну!

— Приходите, рыжики, со мной на войну итти!

Отказались рыжики:

— Мы богаты мужики. Неповинны на войну итти!

— Приходите вы, волнушки, со мной на войну
итти.

Отказались волнушки:

— Мы де старыя старушки. Не пойдемь на войну!

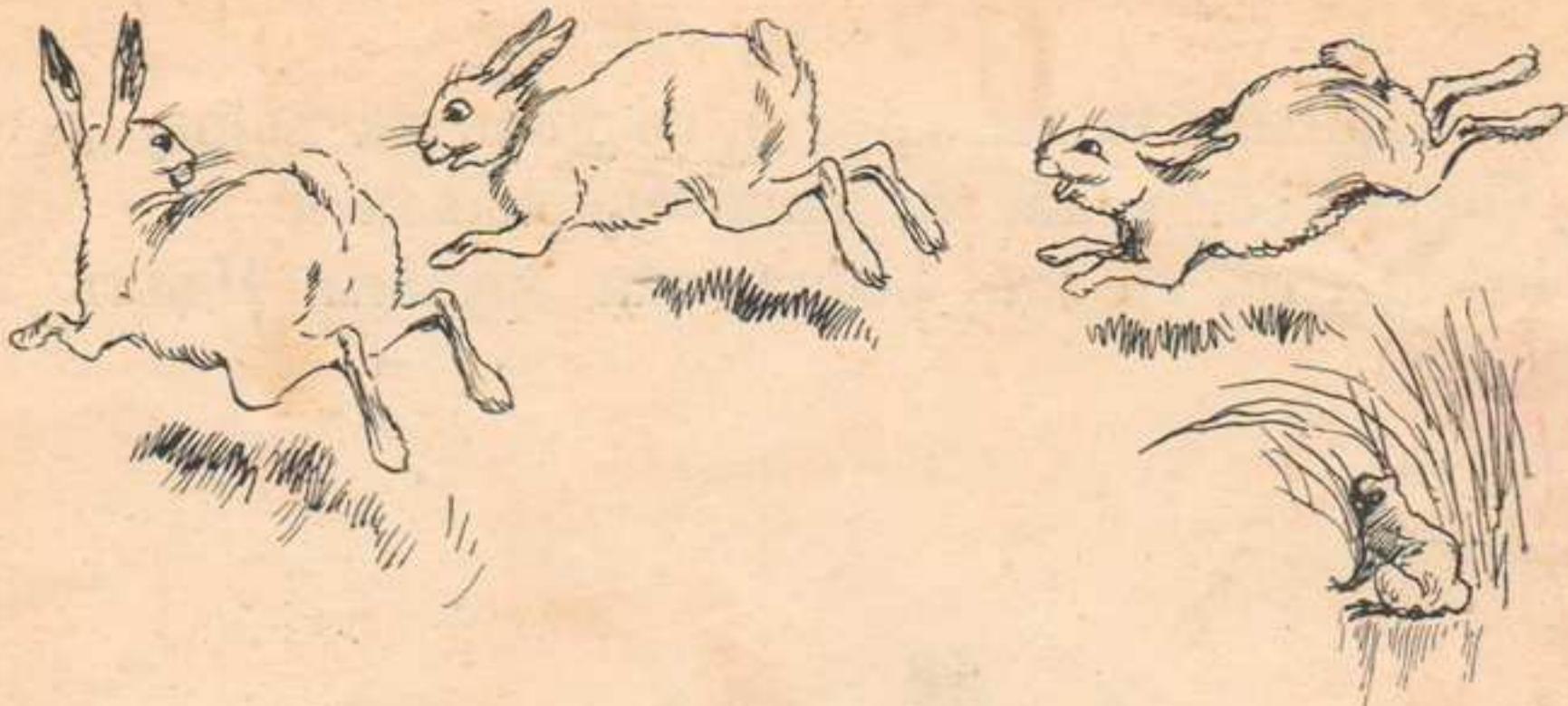
— Приходите вы, опенки, со мной на войну итти.

Отказались опенки:

— У насъ ноги очень тонки. Не пойдемь на
войну.

— Приходите вы, грузди, со мной на войну итти!
Грузди согласились, живо снарядились:
— Мы-то, грузди, ребятушки дружны! Пдемъ на
войну!

Три недослушныхъ маленькихъ кролика.

(СКАЗКА).

I.

то было давно. Въ глухомъ прекрасномъ лѣсу жила старая кроличиха. У нея было трое дѣтокъ: три маленькихъ кролика, два мальчика и одна дѣвочка.

Они жили въ хорошенькой свѣтлой и просторной норкѣ. Кругомъ норки росла сочная трава, цвѣли цвѣты и на деревьяхъ весело распѣвали птички. Въ норѣ у кроликовъ всегда было много моркови, капусты и рѣши. Недалеко отъ ихъ дома протекалъ свѣтлый, журчащий ручей.

Мама любила своихъ маленькихъ кроликовъ. И они жили бы вполнѣ счастливо, если бы слушались

свою маму. Но, къ несчастію, эти три кролика были непослушны... А кто же не знаетъ, сколько бѣдъ бываетъ отъ непослушанія!?

Однажды мама-кроличха собралась идти въ лѣсъ за провизіей. Ей надо было уйти надолго. Она позвала своихъ кроликовъ и сказала:

— Милыя мои дѣтки, не ходите далеко отъ норки. Играйте около ручья. Въ лѣсу много звѣрей. Они съѣдятъ васъ... Обѣщайте мнѣ, что вы не уйдете.

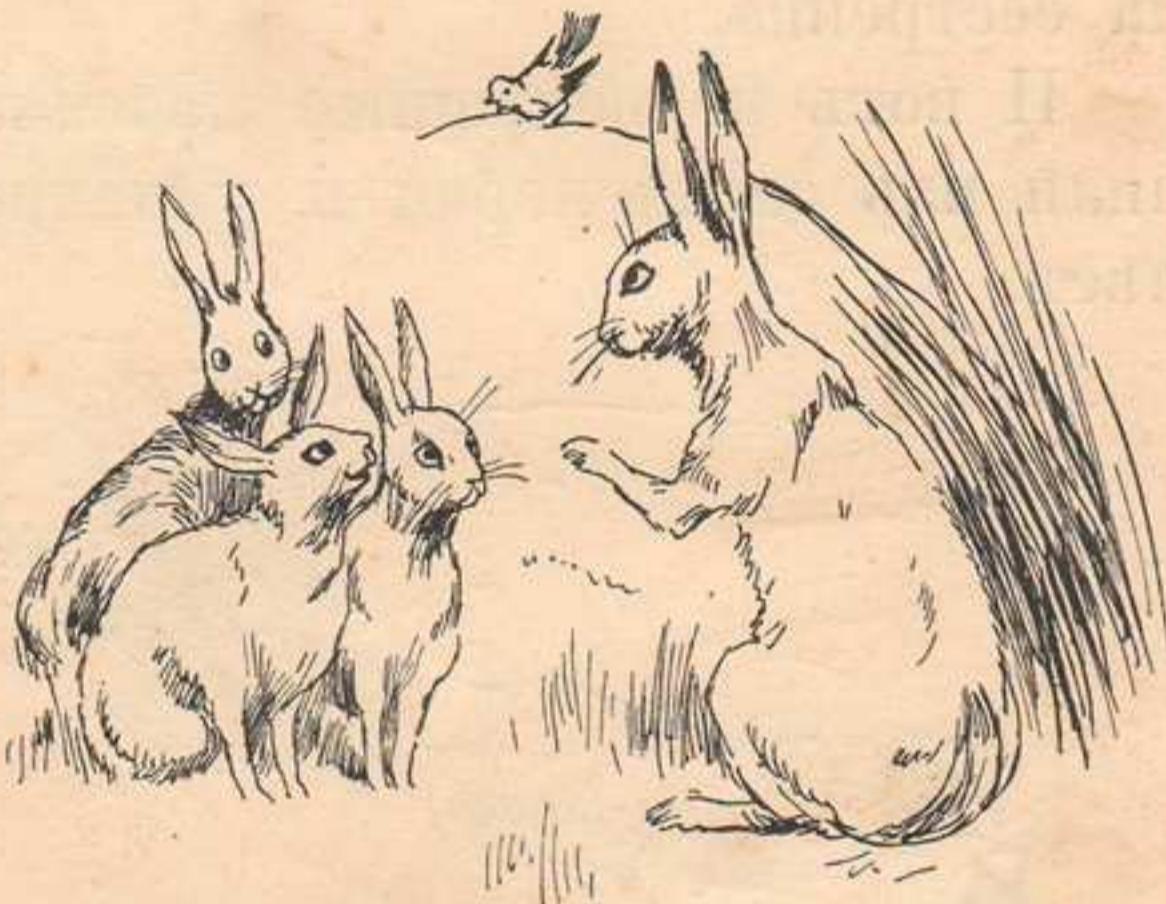
— Обѣщаемъ, обѣщаемъ... — сказали маленькие кролики.

— Въ лѣсу много ловушекъ. Не трогайте и не пробуйте незнакомыхъ вещей. Иначе вы попадете въ ловушку.

— Не тронемъ, мама,—обѣщали маленькие кролики.

II.

Какъ только мама-кроличха ушла далеко отъ дома, такъ старшій кроликъ сказалъ своимъ братишкъ и сестренкѣ:

— Пойдемте погуляемъ въ лѣсу... Вездѣ тихо и ничего худого не можетъ случиться съ нами.

— Мама старенькая, она всего боится,—прибавилъ второй кроликъ.

— Мы успѣмъ вернуться домой во-время... И мама не узнаетъ, что мы уходили въ лѣсъ...—сказала сестренка.

И вотъ непослушные маленькие кролики выскочили изъ своей норки и умчались далеко-далеко въ лѣсъ.

Только что они хотѣли попрыгать и поваляться по мягкой травкѣ, какъ вдругъ услышали лай. Лай раздавался все ближе и ближе, все громче и громче.

Изъ кустовъ выскочили двѣ огромныя собаки. Они бросились на кроликовъ.

Маленькие кролики страшно перепугались. Не помня себя, они бросились бѣжать со всѣхъ ногъ... Собаки гнались за ними... Шалуны думали, что они уже погибли.

Собаки вотъ-вотъ настигнутъ и загрызутъ... Страшно было кроликамъ... Но вдругъ въ эту минуту старшій кроликъ увидалъ дуплистый стволъ старого дерева. Оно лежало на землѣ.

— Спасайтесь, спасайтесь! Скорѣе въ дупло!

Старшій кроликъ бросился въ дупло, братъ и сестра юркнули туда же.

Только что послѣдній бѣленъкъ скрылся въ дуплѣ, какъ прибѣжали собаки. Дупло было очень узкое и собаки не могли влѣзть туда. Онѣ долго лаяли и ворчали около пня.

Бѣдные кролики дрожали отъ страха. Собаки сѣли около пня и стали караулить кроликовъ. Онѣ думали: вотъ-выглянуть кролики, мы ихъ и схватимъ. Ахъ, какъ жалѣли теперь эти глупенькие кролики, что не послушались своей мамы.

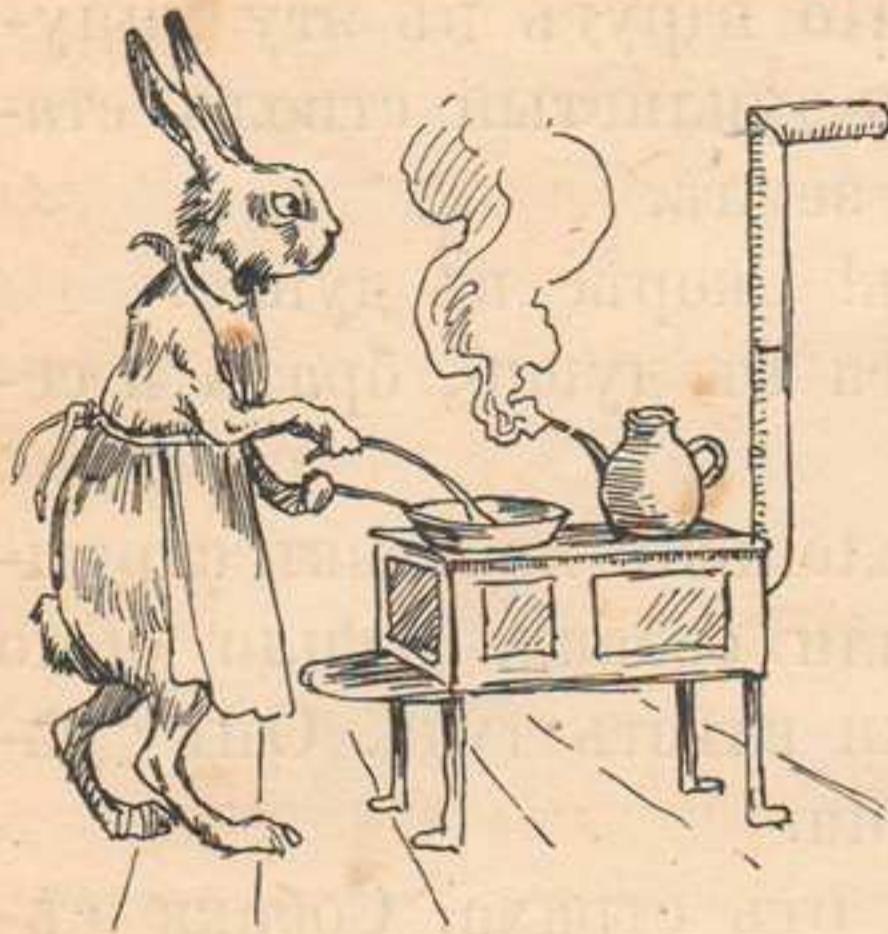
Много уже прошло времени. Наступилъ вечеръ. Стало темно. Собаки устали ждать и, наконецъ, ушли прочь. Тогда старшій братецъ выглянула изъ одного конца дуплистаго дерева, а младшій и сестрица изъ другого.

— Мама, мама, намъ страшно! Мама, мы боимся собакъ! — кричали они.

Ихъ бѣдная мама давно уже искала ихъ. Она прибѣжала на ихъ голосъ и стала ихъ стыдить... А потомъ простила и повела домой, такъ какъ они заблудились и не знали дороги.

Маленькие кролики натерпѣлись страха и обѣщались быть послушными. Мама хотя очень горевала и плакала, но приготовила имъ ужинъ. Она сварила капустки и скипятила молоко.

III.

Какъ было бы хорошо, если бы дѣти всегда исполняли свои обѣщанія! Но не таковы были наши кролики.

Рано утромъ мама ушла имъ стряпать обѣдъ. Кролики обѣщали играть около ручья и далеко не уходить.

Но вдругъ сестрица стала прыгать по камешкамъ, а братцы за ней...

— Побѣжимте туда... Тамъ много ягодъ! — крикнула сестрица.

— А что сказала мама? — напомнилъ старшій кроликъ.

— Это недалеко... Мы сейчас вернемся обратно и поспеемъ къ обѣду,—смѣясь сказала младшій.

И они стали весело прыгать и играть между деревьями. И уходили все дальше и дальше.

— Ахъ, какой красивый шаръ висить на деревѣ!— вдругъ закричала сестрица.

— Гдѣ? Гдѣ? Покажи, скорѣй! — воскликнула младшій кроликъ.

Дѣйствительно, на деревѣ висѣлъ огромный желтый шаръ. Онъ свѣшивался на шнуркѣ и раскачивался во всѣ стороны.

— Это большое яблоко,—сказала младшій кроликъ.

Всѣ три кролика стали ходить вокругъ этого яблока и съ любопытствомъ разматривали его со всѣхъ сторонъ.

— Попробуйте его. Оно, навѣрно, очень вкусное,— предложила сестрица.

— Мама не велѣла пробовать незнакомыхъ вещей,— сказала старшій кроликъ.

— Ничего. Она не узнаетъ. Такое славное яблочко! я попробую! — воскликнула младшій кроликъ.

Онъ подпрыгнулъ и коснулся зубами яблока. Но тутъ произошло нѣчто ужасное. Съ дерева свалилось что - то большое, тяжелое и покрыло всѣхъ трехъ шалуновъ... Кролики закричали изо всѣхъ силъ. Они бросались изъ стороны въ сторону, но вырваться не могли.

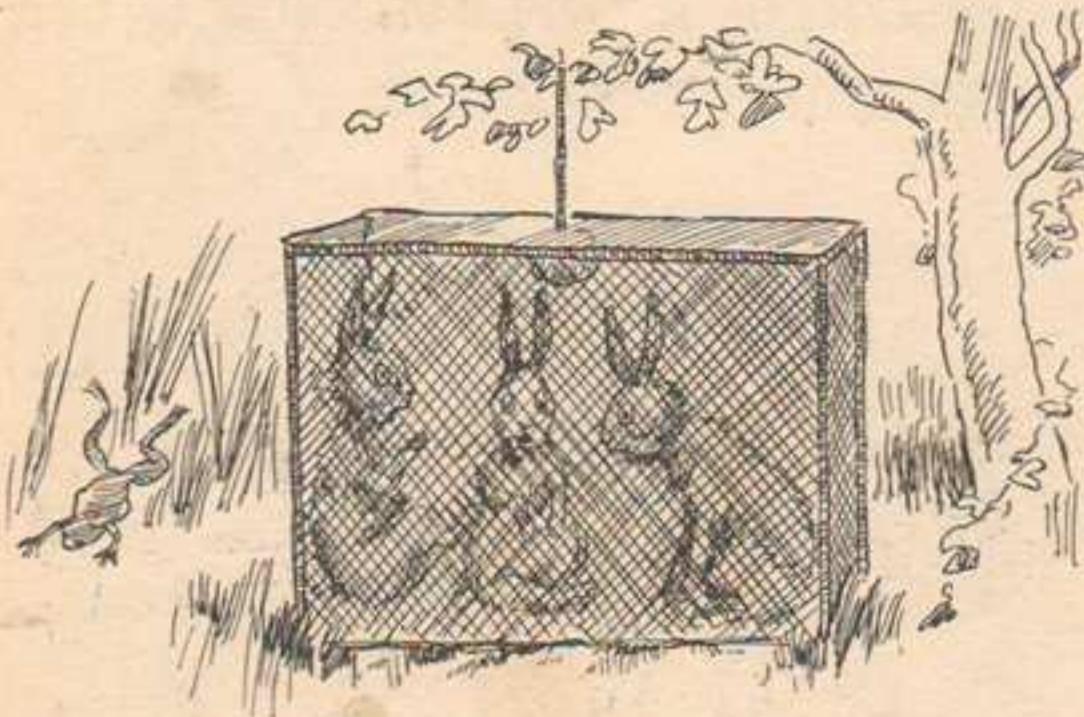
Ихъ захлопнула большая жѣзнная клѣтка. Они горько плакали и не знали что дѣлать.

Наконѣцъ наступилъ вечеръ. Кролики озябли, были голодны и дрожали отъ страха.

Вдругъ они услышали голосъ мамы. Она громко звала ихъ. Какъ только они услыхали ея голосъ, то забыли про все и обрадовались.

— Мама, мама, мы здесь! — закричали они

Кроличиха отыскала ихъ и освободила. Она повела ихъ домой, дорогой ничего съ ними не говорила и все плакала. А дома поставила всѣхъ троихъ по угламъ. Ей очень было грустно, что у нея такія не-

послушныя и дурныя дѣти; она надѣялась, что наказаніе ихъ исправить.

Скоро кролики стали просить у мамы прощеніе и обѣщались впередъ всегда ея слушаться.

Мама-кроличиха, конечно, простила своихъ дѣтокъ. Она вѣдь ихъ любила и жалѣла. Но они-то не жалѣли своей мамы.

IV.

Однажды осенью въ ясный, теплый день, кроличиха позвала своихъ маленькихъ кроликовъ и сказала имъ:

— Милыя мои дѣтки, сегодня соѣди звали на балъ.

— Ахъ, какъ мы рады! Какъ будетъ весело! — закричали разомъ всѣ три кролика.

— Будьте же умными и послушными, не убѣгайте далеко отъ дома, не трогайте ничего въ лѣсу... Мало ли что можетъ случиться.

— Хорошо, мама, не убѣжимъ, — сказала старшій кроликъ.

— Подите къ ручью, почистите хорошенько ваши бѣленькия платья, вымойте мордочки и лапки. Будьте послушными.

— Хорошо, мама, мы будемъ послушными.

— Помните же, что сегодня вечеромъ на полянкѣ у соѣдей будетъ весело. Тамъ соберется

много кроликовъ, будеть музыка и хорошее угощенье!

— Ахъ, какъ весело!—закричали кролики, поцѣловали свою маму и побѣжали въ лѣсъ.

Они не успѣли еще почистить свои платья и вымыть мордочки, какъ сестрица сказала:

— Слушайте, братцы, тамъ въ кустахъ чирикаетъ какая-то птичка... Побѣжимте посмотретьъ ее.

— Мама не велѣла убѣгать, вѣдь сегодня вечеромъ балъ,—сказалъ старшій кроликъ.

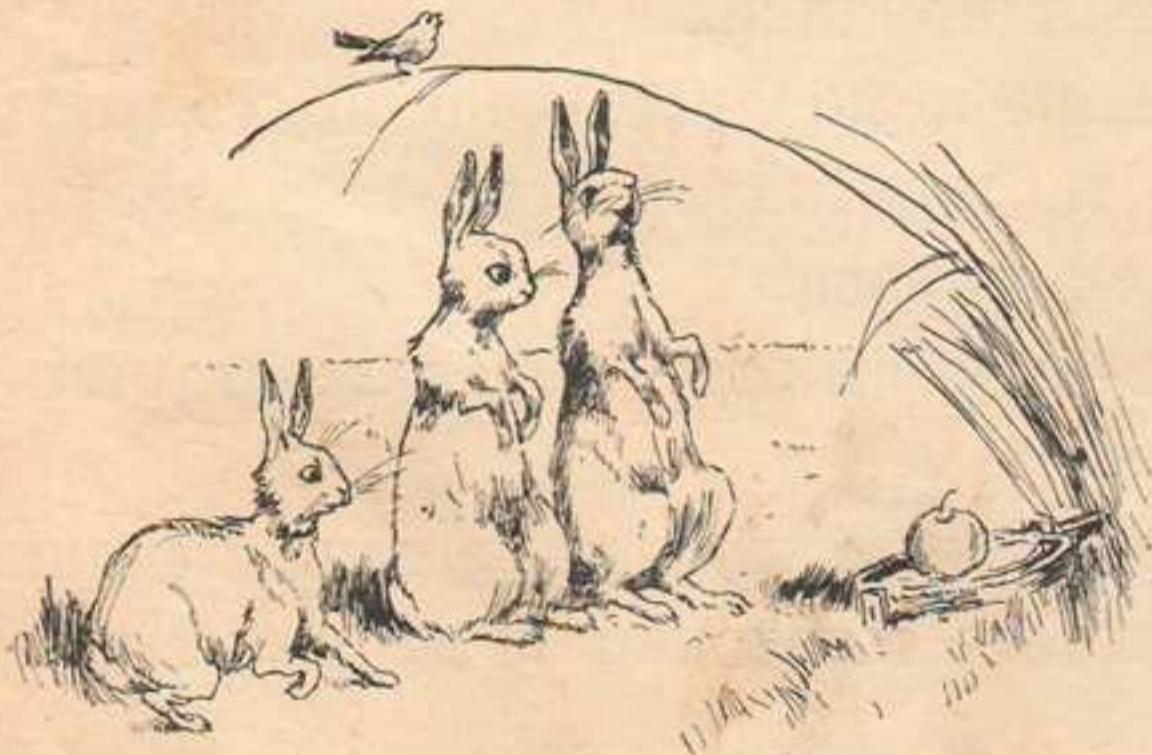
— Ничего, мы далеко не уйдемъ... Интересно послушать, что это за птичка!—воскликнулъ младшій кроликъ.

И все трое побѣжали за птичкой. Это была хоро-

шенькая маленькая птичка съ красной головкой. Она звонко, весело чирикала и перепархивала съ вѣтки на вѣтку. Кролики бѣжали за ней. Она точно звала ихъ и

дразнила. Они убѣгали все дальше и дальше. Вдругъ сестрица закричала:

— Ай! Ай! братцы, посмотрите, какой шарикъ!

— Глупенькая, это вѣдь простое румяное яблоко...—
сказалъ младшій кроликъ.

— Не трогайте его. Вспомните про другое крас-
ное яблоко!—воскликнулъ старшій кроликъ.

— То висѣло на деревѣ, а это лежитъ на зе-
млѣ,—сказала сестрица.

— То было большое, а это маленькое,—приба-
вила младшій братецъ.

— Его можно только попробовать... Оно, навѣрно,
очень вкусное,—сказала сестрица.

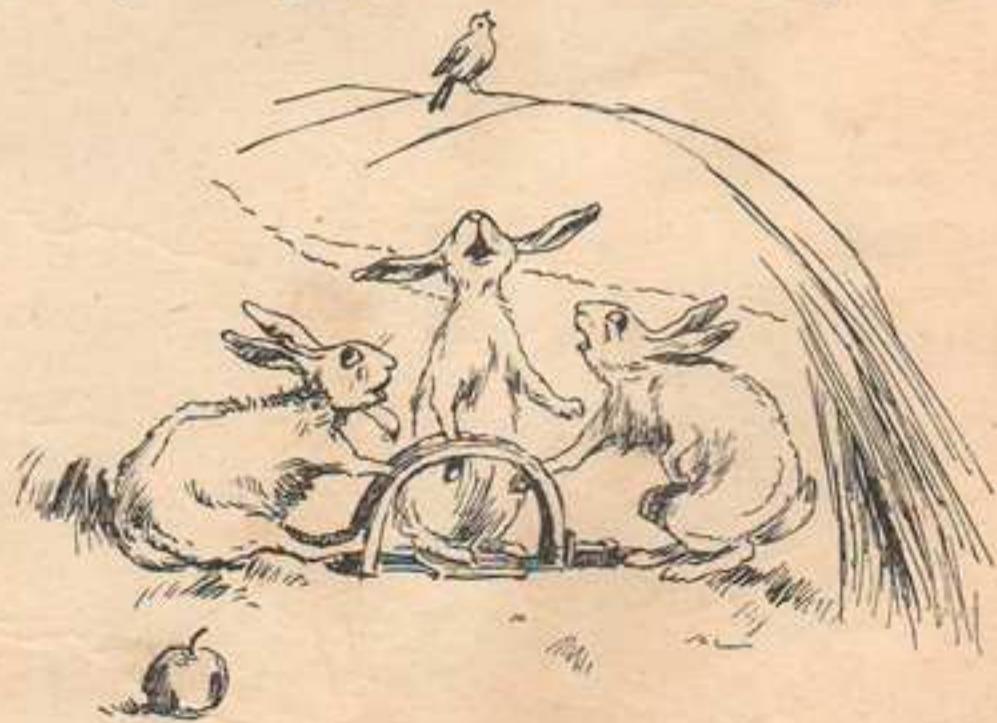
— Не забывайте, что говорила мама... Она не
велѣла трогать незнакомыхъ вещей.

— Мама боится ловушекъ, а это простое яблоч-
ко,—весело сказала младшій кроликъ.

— Мы погрыземъ его сразу всѣ втроемъ, тогда
ничего не можетъ случиться,—предложила сестрица.

И три непослушныхъ
маленькихъ кролика при-
коснулись къ яблочку.

Вдругъ что-то грохну-
ло, стукнуло и затреща-
ло. Что то жесткое боль-
но защемило переднія
лапки кроликовъ. Они
рванулись, заплакали, закричали, но высвободиться
не могли.

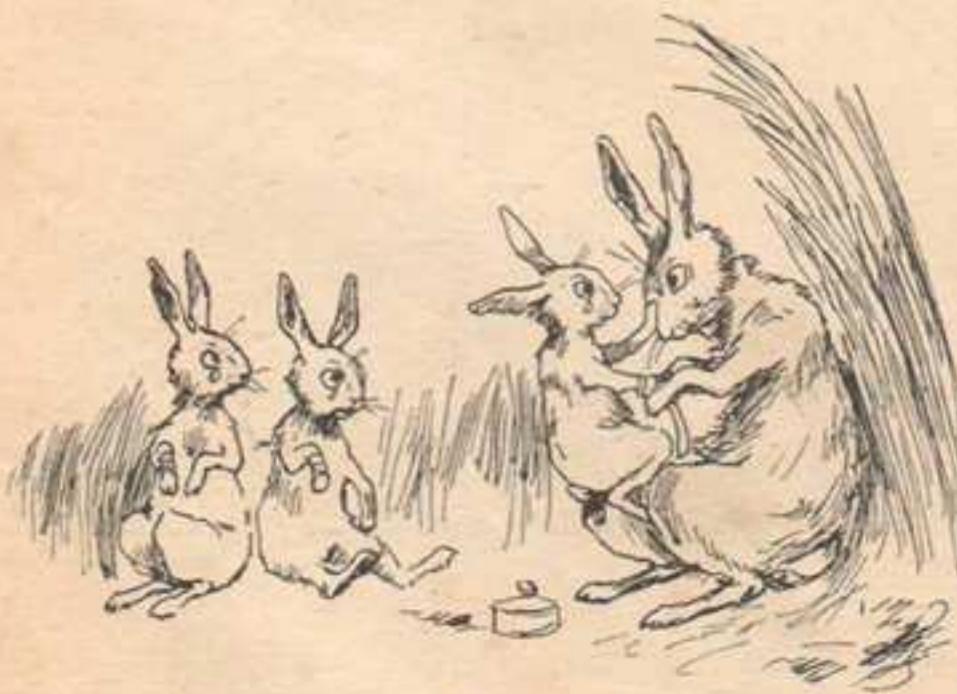

Оказывается красивое румяное яблочко лежало въ ловушкѣ. Ловушку эту поставили какие-то мальчики, чтобы ловить глупыхъ звѣрьковъ. Они нарочно положили туда яблоко, чтобы заманивать маленькихъ животныхъ.

Кролики стали громко, отчаянно кричать: «Помогите, помогите! Спасите, спасите!» Имъ было больно и страшно.

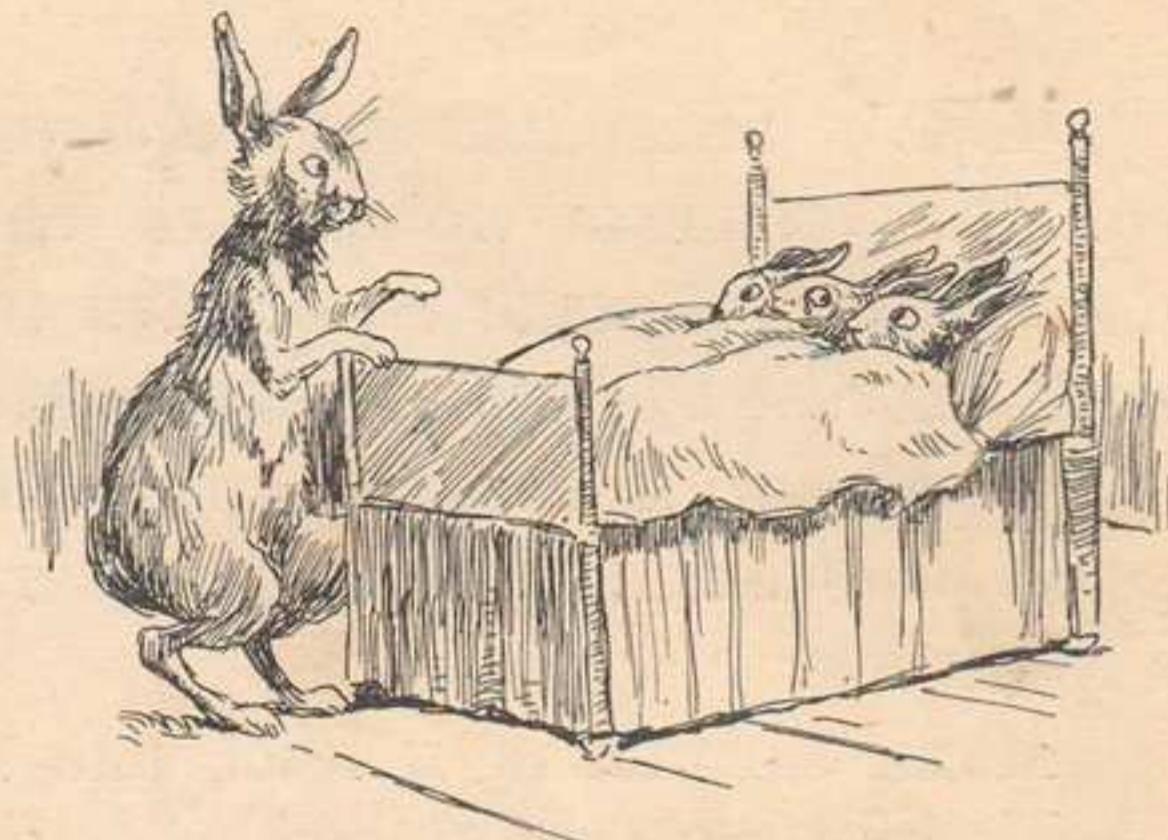
Но мама уже, не помня себя отъ страха, искала въ лѣсу своихъ непослушныхъ дѣтей... Она услыхала ихъ крики и прибѣжала на помощь. И зубами и когтями она раздвигала желѣзные прутья ловушки. Она сломала всѣ свои зубы, она исцарапала до крови свои лапы и едва - едва освободила своихъ дѣтей. Переднія лапки у кроликовъ были повреждены и страшно болѣли. Мама повела ихъ домой; они - едва шли и хромали. Вчетверомъ они всю дорогу горько плакали.

Дома мама уже не сердились, а только жалѣла своихъ непослушныхъ дѣтей. Она стала прикладывать къ ихъ лапкамъ арнику, обмывала, ихъ бинтовала и все плакала. Лапки ихъ были въ крови и очень распухли, кожа содрана, коготки сломаны.

Маленькие непослушные кролики сильно заболели: у нихъ сдѣлался жаръ и лихорадка. Мама ихъ уложила въ постель и дала горькаго лѣкарства. Она стояла у кровати и плакала.

Кролики лежали въ постели, дремали и сквозь сонъ слышали веселую музыку... Они знали, что у соседей на полянкѣ былъ веселый балъ. Тамъ ихъ молодые друзья и подружки весело танцевали, музыканты играли, птички распѣвали. На полянкѣ лежала вкусная морковка, капуста и даже сахарные стручки... И они всего этого были лишены изъ-за своего непослушанія.

Они чувствовали себя очень несчастными и плакали до тѣхъ поръ, пока не заснули.

Черезъ нѣсколько днѣй кролики стали поправляться. Они сначала не узнали своей мамы: такъ она измѣнилась,— стала печальная и похудѣла какъ щенка. Кроликамъ стало очень совѣстно и жаль свою маму.

— Мама, милая, прости нась... Мы не будемъ тебя огорчать... Мы будемъ теперь всегда-всегда слушаться.

Мама заплакала и простила ихъ.

Хотите вѣрьте, хотите нѣть, а только скажу вамъ, что три маленькие кролика сдержали свое обѣщаніе. И съ тѣхъ поръ всегда и во всемъ слушались свою добрую маму. Они никуда не убѣгали, ничего не трогали. Каждый днѣй они ходили втроемъ въ школу и очень хорошо учились*).

*.) Передѣлка съ англійскаго.

Отдѣлъ II.

Для дѣтей

отъ 5 до 8 лѣтъ.

З

Зайнька.

(НАРОДНАЯ ПЬСЕНКА).

зайнька, съренькій, гдѣ бываль-побы-
валъ?

- Я бываль-побывалъ въ огородѣ, съничкахъ,
въ дѣвичьей свѣтлицѣ.
- Кого жь ты, зайнька, видаль-повидаль?

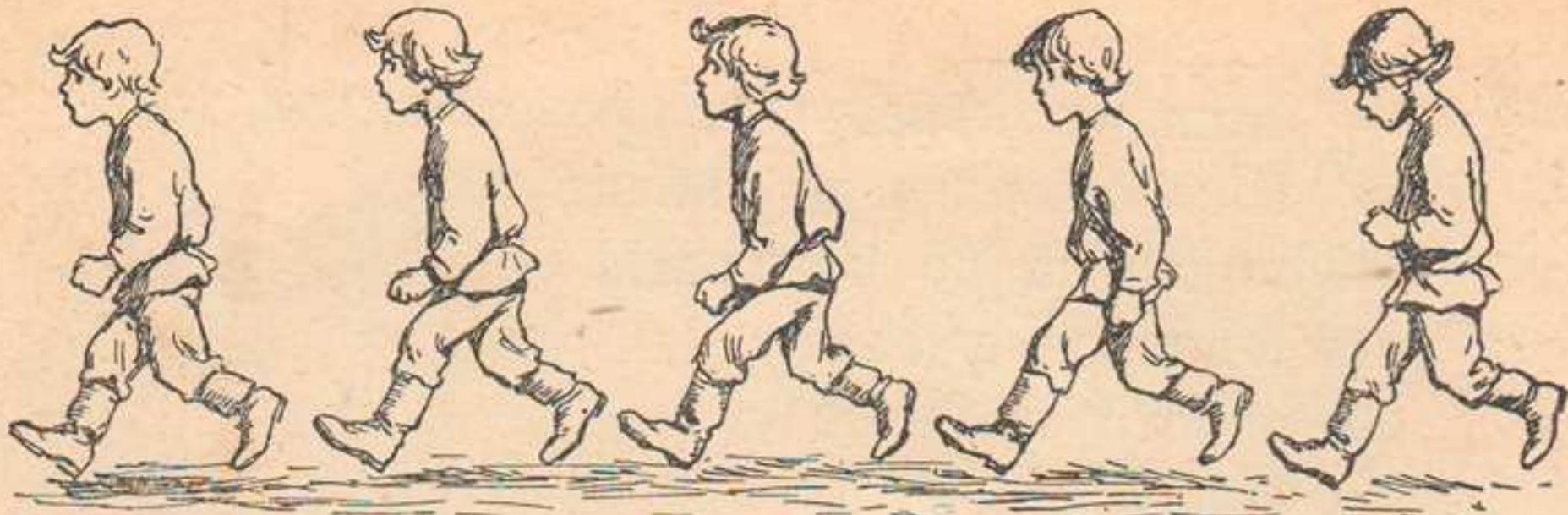
— Зайнъка, съренъкій, поили ли тебя?
— Настюшенька-то пивцомъ,
Варюшенька-то винцомъ,
Катюшенька удала
Стаканъ меду поднесла.
— Зайнъка, съренъкій,
уложили ли тебя?
— Настюшенька-то на
лавку,
Варюшенька-то подъ
лавку,
Катюшенька удала
Подушечку подала.

— Видаль я, повидаль три
дѣвицы:
Настюшенька черноглаза,
Варюшенька черноброва,
Катюшенька молода,
Лучше всѣхъ, удала.
— Зайнъка, съренъкій,
кормили ли тебя?
— Настюшенька-то
блинами,
Варюшенька пирогами,
Катюшенька удала
Кашу съ масломъ подала.

— Заинька, съренъкій, провожали ли тебя?
— Настюшенька до сънецъ,
Варюшенька до крылецъ,
Катюшенька удала
За ворота провела;
За ворота провела,
Бѣлу ручку подала.

Рѣпка.

или-были дѣдка съ бабкой; посьяли они рѣпку.

Дѣдка пошелъ въ огородъ и бабку зоветъ.

— Бабка, смотри, хороша рѣпка поспѣла.

Иди рвать.—Принялись они рѣпку тянуть...

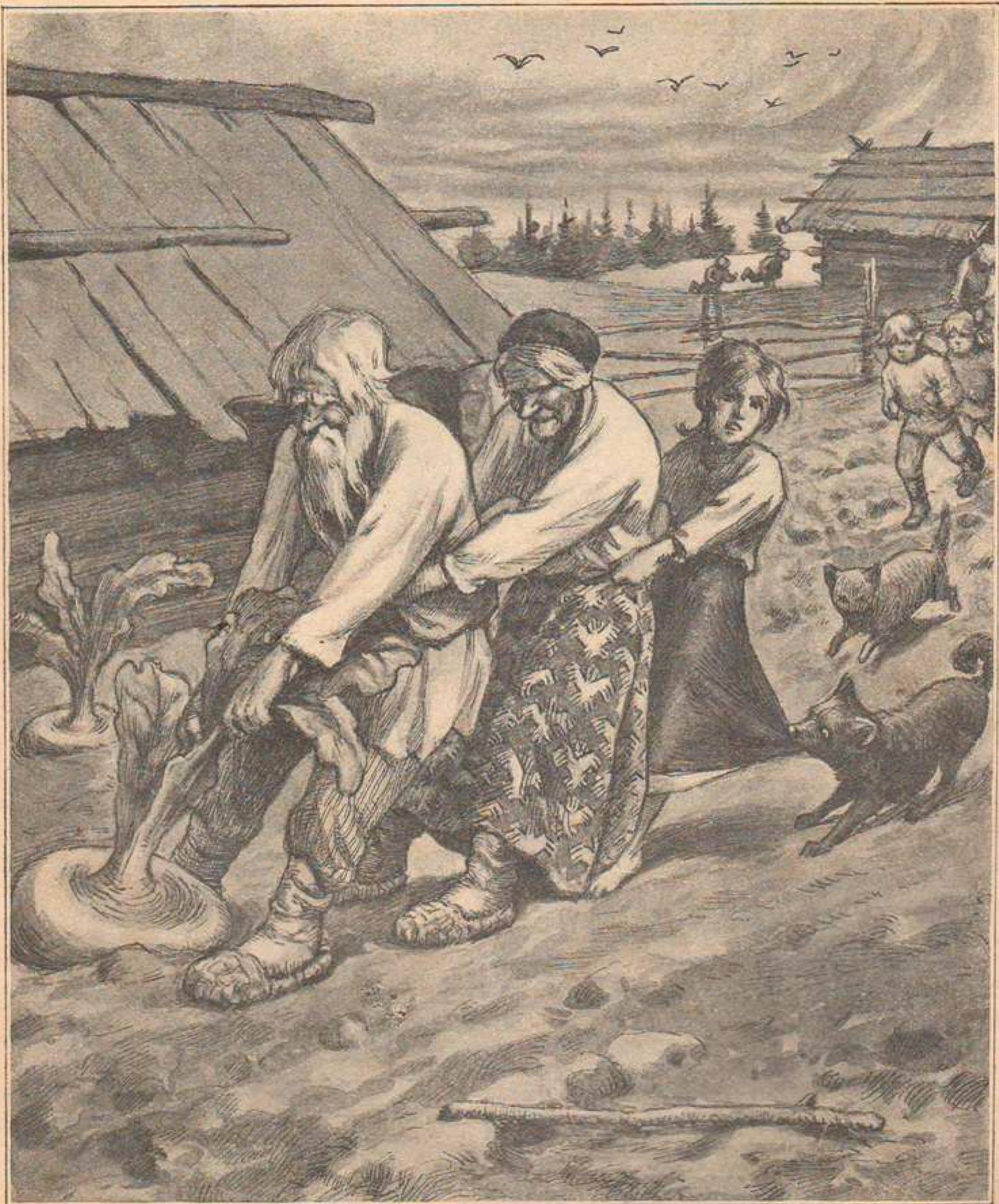
Дѣдка за рѣпку, бабка за дѣдку... Тянуть-потя-
нуть, вытянуть не могутъ.

Вотъ они стали судить да рядить, какъ бы рѣп-
ку добыть. Позвали внучку. Внучка за бабку; бабка
за дѣдку; дѣдка за рѣпку... Тянуть-потянуть, вытя-
нуть не могутъ...

Стали они думать да гадать, какъ бы рѣпку
оторвать. Позвали Жучку.

Жучка за внучку; внучка за бабку; бабка за
дѣдку; дѣдка за рѣпку... Тянуть-потянуть, вытянуть
не могутъ...

Стали они судить да рядить, какъ бы рѣпку
добыть. Позвали кошку.

Кошка за Жучку; Жучка за внучку; внучка за бабку;
бабка за дѣдку; дѣдка за рѣпку... Тянуть-потянуть...
Всѣ упали, а рѣпки не достали...

Стали они плакать, голосить: никакъ имъ рѣп-
ки не добыть...

Вдругъ видять по дорожкѣ бѣгутъ ножки въ
сафьяновыхъ сапожкахъ.

Позвали одну ножку.

Ножка за кошку; кошка за Жучку; Жучка за
внучку; внучка за бабку; бабка за дѣдку; дѣдка за
рѣпку... Тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ.

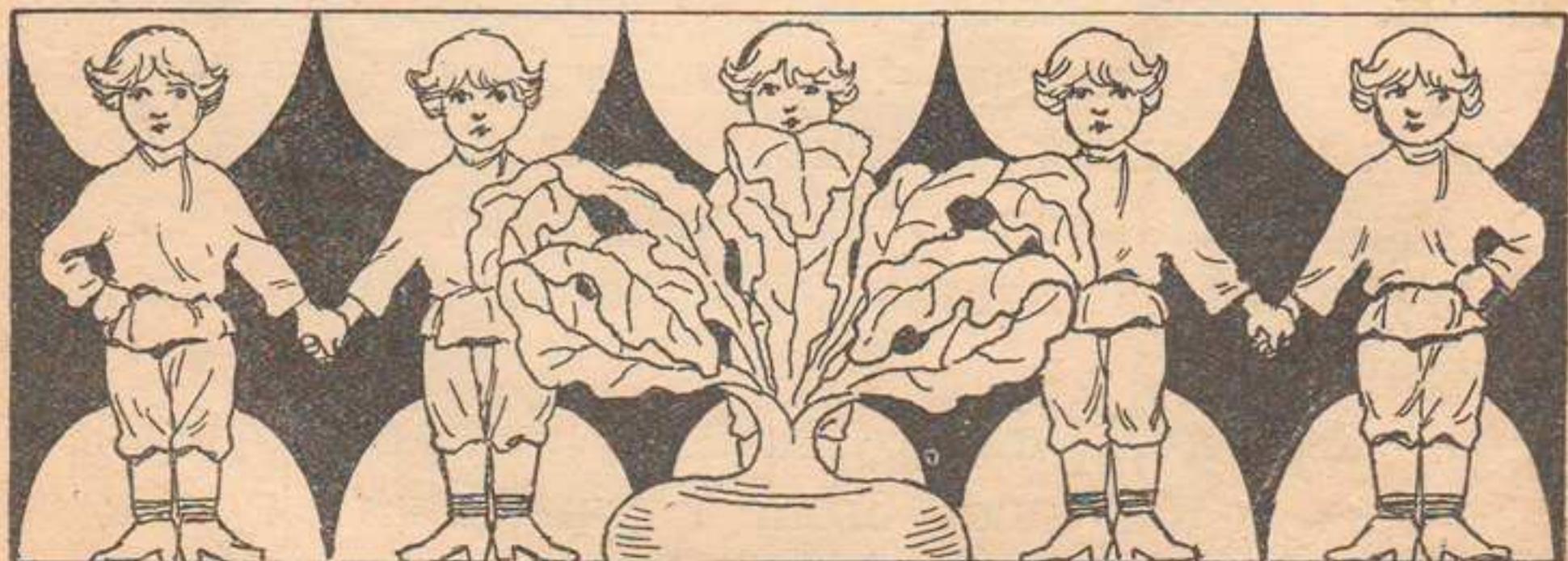
Позвали другу ножку. Двѣ за ножку, ножка за кошку; кошка за Жучку; Жучка за внучку; внучка за бабку; бабка за дѣдку; дѣдка за рѣпку... Тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ.

Позвали третью ножку. Три за двѣ; двѣ за ножку; ножка за кошку; кошка за Жучку; Жучка за внучку; внучка за бабку; бабка за дѣдку; дѣдка за рѣпку... Тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ...

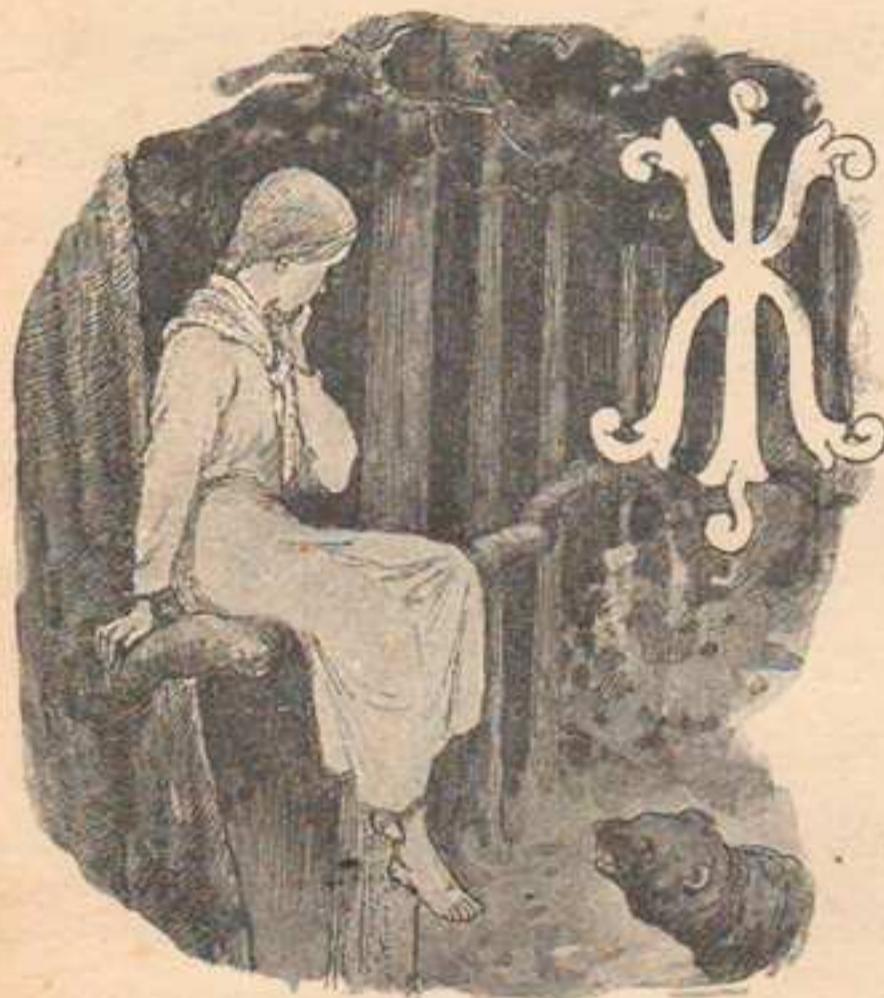
Позвали четверту ножку.

Четыре за три; три за двѣ; двѣ за ножку; ножка за кошку; кошка за Жучку; Жучка за внучку; внучка за бабку; бабка за дѣдку; дѣдка за рѣпку...

Тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ. Позвали пятую ножку. Пять за четыре; четыре за три; три за двѣ; двѣ за ножку; ножка за кошку; кошка за Жучку; Жучка за внучку; внучка за бабку; бабка за дѣдку; дѣдка за рѣпку... Тянуть-потянуть... Тянуть-потянуть... Тянуть-потянуть... Т-я-я-я-нуть... И вытянули рѣпку!*)

Снѣгурушка и лиса.

иль да былъ старикъ со старушкой; была у нихъ внучка Снѣгурушка. Собрались ея подружки въ лѣсъ по ягоды и пришли звать ее съ собой. Старики долго не соглашались, но потомъ отпустили Снѣгурушку и приказали ей не отставать отъ подругъ.

Пришли дѣвушки въ лѣсъ и стали собирать ягоды. Вотъ Снѣгурушка — деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ — и отстала отъ подругъ. Онѣ аукали ее, аукали, но Снѣгурушка не слыхала.

Ужъ стало темно. Всѣ подружки ушли домой. Снѣгурушка взлѣзла на дерево, стала горько плакать и причитать:

— Ау, ау, Снѣгурушка! Ау, ау, голубушка! У дѣвушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка; ее дѣвушки въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!

Идетъ медвѣдь и спрашиваетъ:

— О чѣмъ, Снѣгурушка, плачешь?

— Какъ мнѣ, батюшка-медвѣдюшка, не плакать?

Я одна у дѣдушки, у бабушки внучка Снѣгурушка; меня дѣвушки въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!

— Сойди, я тебя домой отнесу.

— Нѣть, я тебя боюсь: ты меня сѣшь!

Медвѣдь ушелъ отъ нея.

Снѣгурушка осталась одна и опять стала плакать и причитать:

— Ау, ау, Снѣгурушка! Ау, ау, голубушка!

Идетъ волкъ и спрашиваетъ:

— О чѣмъ ты, Снѣгурушка, плачешь?

— Какъ мнѣ, волкъ, не плакать? Я одна у дѣдушки и у бабушки внучка Снѣгурушка; меня дѣвушки въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!

— Сойди, я тебя домой отнесу.

— Нѣть, я тебя боюсь: ты меня сѣшь!

Волкъ ушелъ, а Снѣгурушка снова стала плакать и причитать:

— Ау, ау, Снѣгурушка! Ау, ау, голубушка!

Идетъ лисица и спрашиваетъ:

— Чего ты, Снѣгурушка, плачешь?

— Какъ мнѣ, лисанька, не плакать? Я одна у дѣдушки и у бабушки внучка Снѣгурушка;

меня дѣвушки въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!

— Сойди, я тебя домой отнесу.

Снѣгурушка сошла. Лисица посадила ее къ себѣ на спину и привезла домой. Старики обрадовались и не знали, чѣмъ и угостить на радостяхъ внучку, а лисицѣ дали курочку.

Больной воробей.

рилетъла синичка къ воробыихъ и спрашиваетъ:

— Дома ль, кума, воробей?

— Дома, кумушка, дома, голубушка!

- Что жъ онъ дѣляетъ?
- Боленъ лежить; болять, болять пяточки.
- Сходи, кума, въ огородъ, сорви травки мяточки, попарь ему пяточки.

— Парила я, кумушка, парила, голубушка.

Прилетъла чечотка къ воробыихъ и спрашиваетъ:

— Дома ли, кума, воробей?

— Дома, кумушка, дома, голубушка!

— Что жъ онъ дѣляетъ?

— Боленъ лежить; болять, болять плечики.

- Что жъ онъ дѣлаеть?
- Болень лежить; болить, болить животъ.
- Сходи, кума, въ огородъ, нарви травки-репеекъ, попарь ему животокъ.
- Парила я, кумушка, парила, голубушка! Его паръ не береть. Только гнѣву придаетъ...

— Сходи, кума, въ огородъ, нарви травки-гречики, попарь ему плечики.

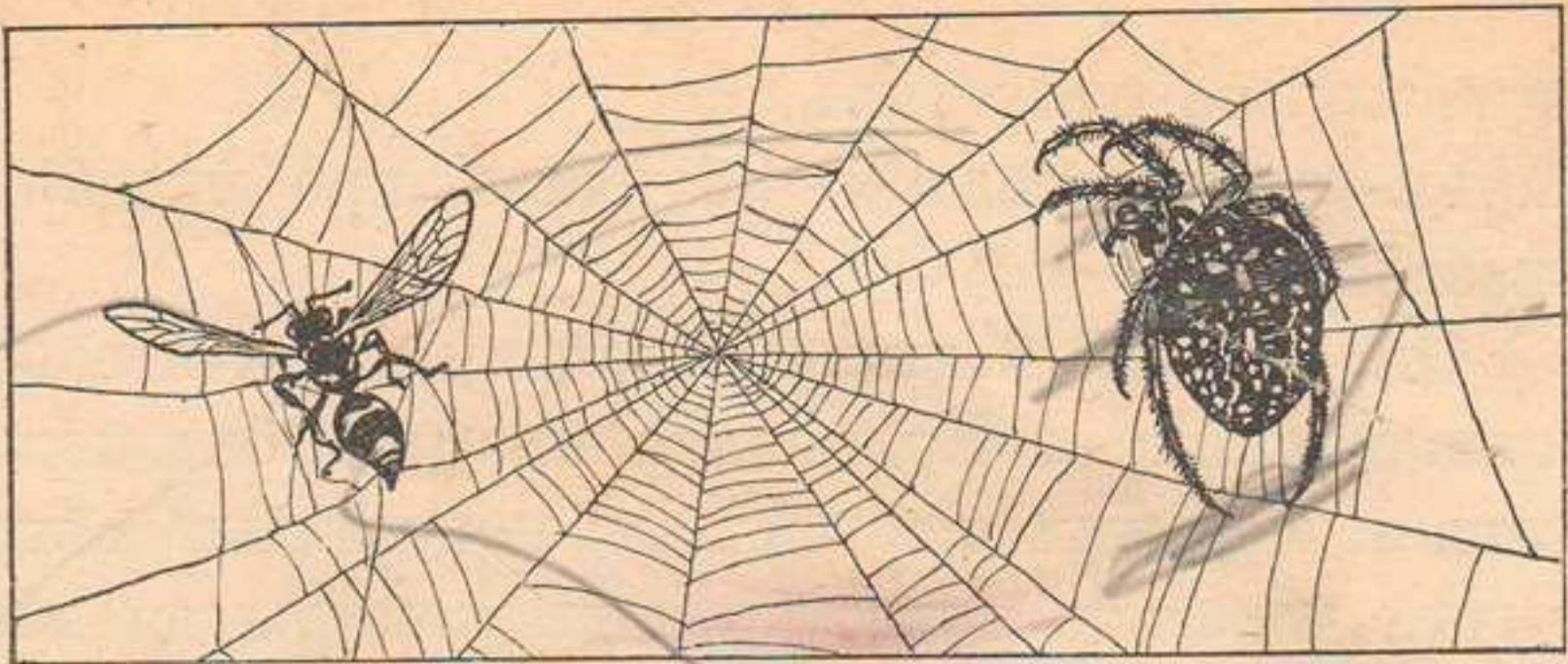
— Парила я, кумушка, парила, голубушка!

Прилетѣла соловьиха къ воробьихъ и спрашиваетъ:

— Дома лъ, кума, воробей?

— Дома, кумушка, дома, голубушка!

Мизгирь.

Давнымъ-давно, во времена старопрежнія, въ годы прошедшіе, въ весну красную, въ дѣто теплое, наступила срамота, на весь міръ тягота. Проявилось видимо-невидимо комаровъ да мошекъ. Стали они людей кусать, горячую кровь сосать.

Мизгирь удалой, молодецъ-хитрецъ, на комаровъ и мошекъ осердился.

Сталъ онъ ножками трясти да мережки плести. Наставилъ мережки на всѣ пути-дорожки.

Летѣла муха-оса, хитрая вдова... Летѣла, летѣла да къ мизгию въ сѣть и залетѣла. Мизгирь сталъ ее бить и за горло давить.

Муха-оса и взмолилась мизгию:

— Батюшко-мизгирь, не дави ты меня, не губи ты меня. У меня много дѣтей будетъ сиротать.

Мизгирь ее отпустилъ.

Муха-оса полетѣла и забунчала, про мизгирия все рассказала.

— Ой, вы еси, комары да мошки, спрячьтесь подъ осиново корнище... Проявился мизгирь; онъ ножками трясетъ и мережки все плететь; понавѣсить сътей на всѣ пути дорожки, куда летаютъ комары да мошки. Онъ всѣхъ изловить и съѣсть. Они перепугались,

полетѣли, забились подъ осиново корнище и лежать чутъ живы.

Мизгирь муху, хитрую вдову, позваль и сказать такъ приказалъ:

— Пусть сверчокъ сядеть на кочокъ, а тараканъ ударить въ барабанъ, а клопъ-блинникъ пойдеть подъ осинникъ.

Пусть всѣ трещать и во весь народъ такую славу кричать: «Моль, мизгирия-удальца въ живыхъ нѣть. Его въ Казань отослали, голову на плахѣ отсѣкли и плаху раскололи».

Муха-оса полетѣла, забунчала и все, какъ мизгирий вельзъ, разсказала.

Сверчокъ сѣлъ на кочокъ, тараканъ ударилъ въ барабанъ, клопъ-блинникъ пошелъ подъ осинникъ...

Такъ всѣ трещали и все рассказали:

«Радуйтесь, мизгирия-удальца нѣть въ живыхъ».

Комары да мошки возвеселились и въ плясъ пустились. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли они летали, а только всѣ мизгирию на обѣдъ попадали.

— А-а-а! Что вы больно мелки... Почаще бы ко мнѣ летали да на обѣдъ ко мнѣ попадали!

Такъ закричалъ мизгирий-удалецъ. Тутъ и нашей сказкѣ конецъ.

Кикимора.

и веть, растетъ Кикимора у кудесника въ каменныхъ горахъ.

Отъ утра до вечера тѣшить Кикимору котъ-бюнъ, говорить сказки заморскія.

Со вечера до бѣла свѣта качаютъ Кикимору въ хрустальчатой колыбелькѣ.

Ровно черезъ семь лѣтъ вырастаетъ Кикимора.

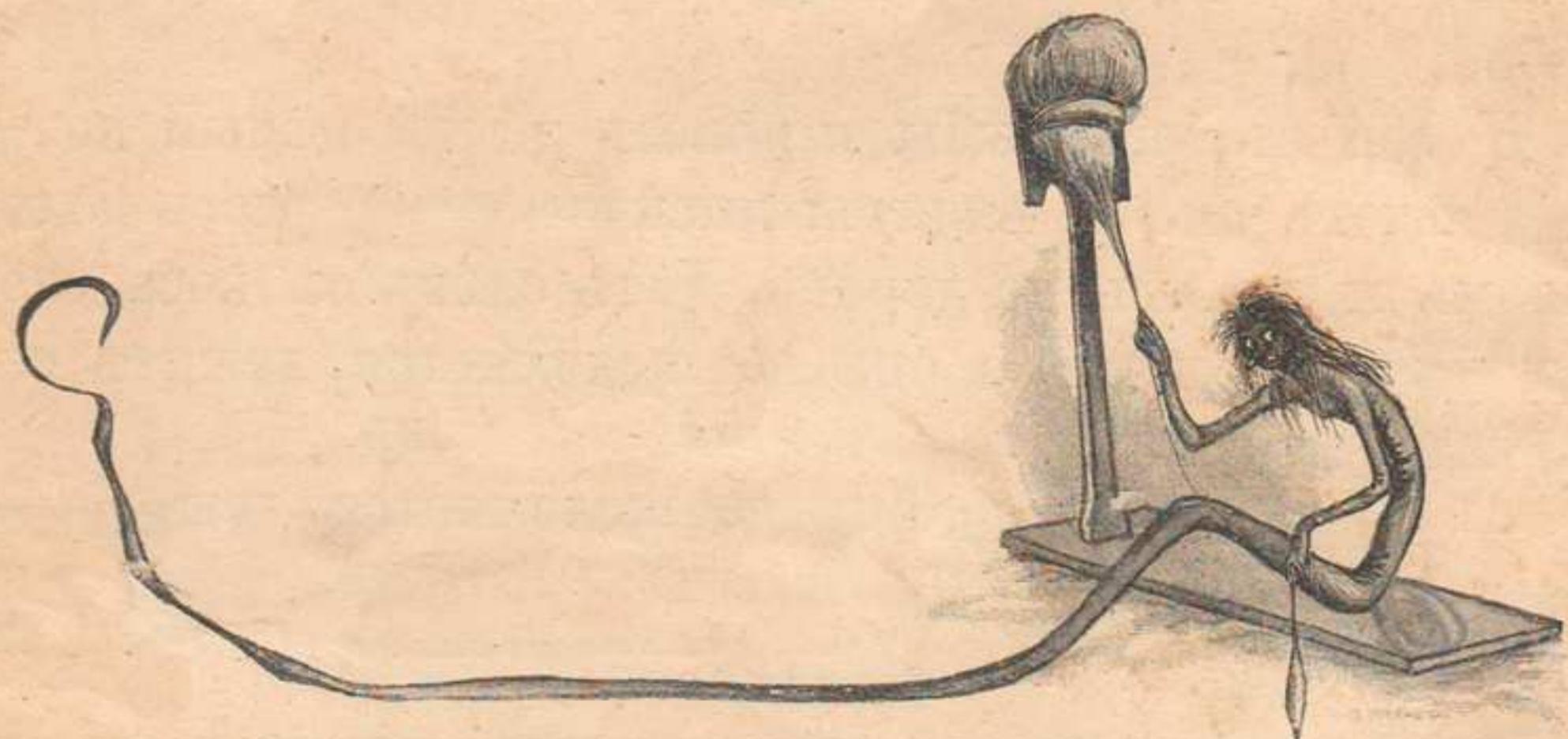
Тонешенька, чернешенька та Кикимора, а голова-то у ней малымъ-малешенька: со наперсточекъ.

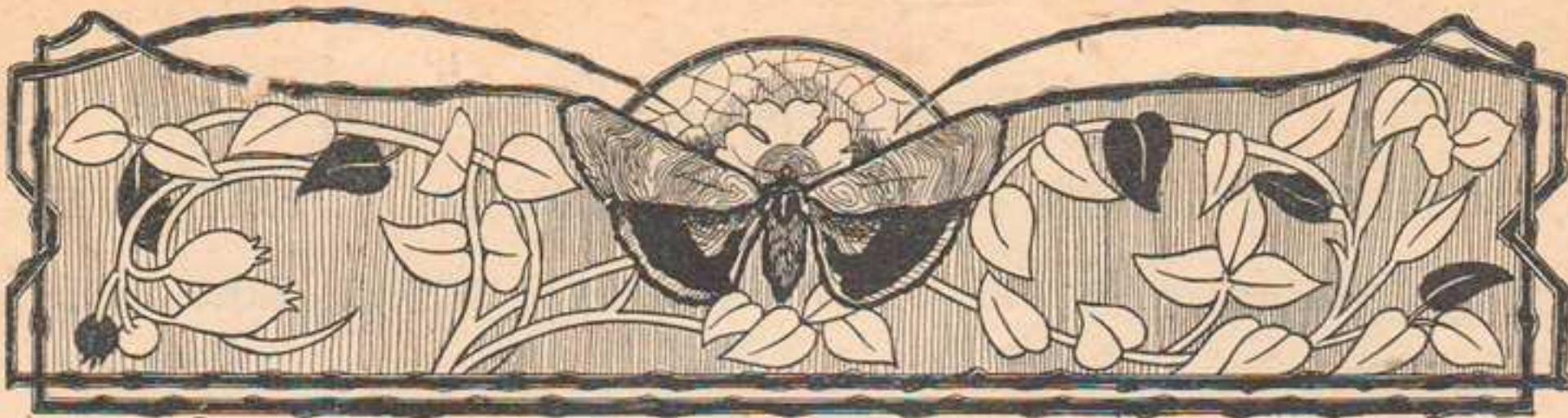
А тулowiща не спознать съ соломиной.

Стучить, гремить Кикимора отъ утра до вечера;
Свистить, шипить Кикимора со вечера до полуночи;
Со полуночи до бѣла свѣта прядеть кудель конопель-
ную,

Сучить пряжу пеньковую, спусть основу шел-
ковую.

Зло на умъ держитъ Кикимора на весь людъ чест-
ной.

Лиса и волкъ.

или-были стариkъ и старуха. Стариkъ и гово-
рить своей старухѣ:

— Ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за
рыбой.

Наловилъ онъ рыбы и повезъ домой цѣлый возъ.
Вотъ ѳдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась кола-
чикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, по-
дошелъ къ лисичкѣ, а она не шелохнется, лежить се-
бѣ, какъ мертвая.

— Хорошъ будеть подарокъ моей женѣ,—сказалъ
дѣдъ, взялъ лисицу, положилъ на возъ, а самъ по-
шелъ впереди.

А лисичка тихонько осмотрѣлась, улучила время
и давай выбрасывать изъ воза рыбку за рыбкой: все
по рыбѣ да по рыбѣ. Повыбросала всю рыбу,
шмыгъ—и сама ушла.

— Ну, радуйся,—говорить стариkъ:—какой во-
ротникъ привезъ я тебѣ на шубу, баба!

— Гдѣ?

— Тамъ на возу—и рыба и воротникъ.

Подошла старуха къ возу: ни воротника ни рыбы.

Начала она тутъ ругать мужа:

— Ахъ ты, старый хрѣнь! Чего еще вздумалъ меня обманывать!

Старикъ осмотрѣлъ возъ и смекнулъ, что лисица-то была не мертвая, а только прикинулась.

Погореваль, погореваль, да дѣлать-то было ужъ нечего.

Между тѣмъ наша хитрая лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и Ѣсть себѣ. Навстрѣчу ей идетъ волкъ.

— Здравствуй, кумушка!

— Здравствуй, куманекъ!

— Дай мнѣ рыбки.

— Налови самъ да ъшь.

— Я не умѣю.

— Экъ, вѣдь я же наловила. Ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь и приговаривай: ловись рыба... Ловись, ловись рыба! Рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди по-дольше, а не то не наловишь.

Волкъ пошелъ на рѣку и опустилъ хвостъ въ прорубь. Дѣло-то было зімою. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ: хвостъ его и приморозило. Попробовалъ было приподняться—не тутъ-то было.

«Экъ, сколько рыбы привалило! И не вытащишь», думаетъ онъ. Смотрить, а бабы изъ деревни идутъ за водой и кричать, завидя сѣраго:

— Волкъ, волкъ! Бейте его! Бейте его!

Прибѣжали всѣ деревенскіе и начали колотить волка: кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ-прыгалъ хвостъ себѣ оторвалъ и пустился безъ оглядки бѣжать.

Старая хлѣбъ-соль забываетъся.

Бопался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали за нимъ гнаться. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему:

— Сдѣлай милость, мужичокъ, спрячь меня въ мѣшокъ: за мной охотники гонятся.

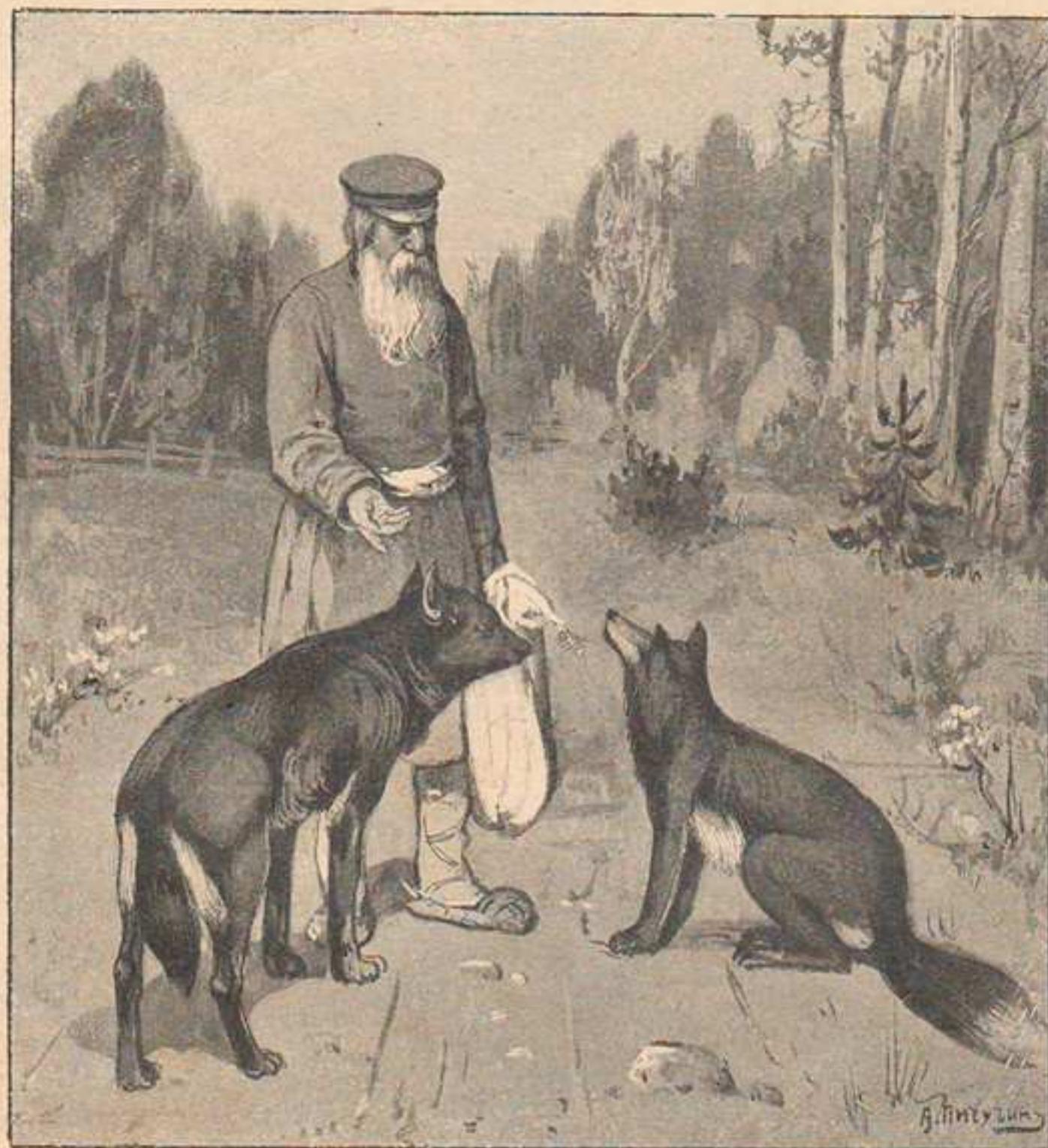
Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники.

— Не видать ли, мужичокъ, бирюка? — спрашиваютъ они.

— Нѣтъ, не видалъ!—отвѣчаетъ мужикъ.

Охотники поскакали впередь и скрылись изъ виду.

— Что, ушли мои злодѣи?—спрашиваетъ бирюкъ.

— Ушли.

— Ну, теперь выпусти меня на волю.

Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ.

— А что, мужикъ, я тебя сѣмъ!—говорить бирюкъ.

— Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! Я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь!

— Старая хлѣбъ-соль забываеться, — отвѣтаетъ бирюкъ.

Мужикъ видить, что дѣло-то плохо и говоритъ:

— Ну, коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по-твоему, что старая хлѣбъ-соль забываеться, тогда дѣлать нечего—съѣшь меня!

Пошли они дальше. А навстрѣчу имъ старая лошадь идетъ. Мужикъ къ ней съ вопросомъ:

— Сдѣлай милость, лошадка-матушка, разсуди нась! Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ меня съѣсть хочетъ.

И рассказалъ ей все, что было. Лошадь подумала и говоритъ:

— Жила я у хозяина двѣнадцать лѣтъ, привнесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ работала на него, а какъ стала стара и стало мнѣ трудно работать,—онъ взялъ, да и стащилъ меня въ дремучій лѣсъ: насилиу я оттуда выбралась и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забываеться!

— Видишь, моя правда!—молвилъ бирюкъ.

Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобы подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака.

Мужикъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала:

— Служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотъ, а какъ состарилась и перестала лаять—онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ... Да, старая хлѣбъ-соль забываетя.

— Ну, видишь, моя правда!—молвилъ бирюкъ. Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встречи.

— А тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь.

Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить:

— Да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ такомъ маленькомъ мѣшкѣ?

И мужикъ и волкъ начали увѣрять, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила и сказала:

— А ну-ка, мужичокъ, покажи, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ!

Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Но лиса закричала:

— Да развѣ ты одну голову прятать въ мѣшокъ? Бирюкъ вѣзъ совсѣмъ.

— Ну-ка, мужичокъ,—продолжала лиса,—покажи, какъ ты завязывалъ?

— Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то молотилъ?

Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку.

А лиса не отстаетъ.

— Да неужели ты такъ полегоньку молотилъ?

Мужикъ какъ размахнулся цѣпомъ и хватилъ лису по головѣ и убилъ ее до-смерти, приговаривая: «Старая хлѣбъ-соль забываетъ!»

Зимовье звѣрь.

Шель быкъ лѣсомъ. Попадается ему навстрѣчу баранъ.

— Куда, баранъ, идешь? — спрашиваетъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу, — говоритъ баранъ.

— Пойдемъ со мною!

Вотъ пошли вмѣстѣ. Попадается имъ навстрѣчу свинья.

— Куда, свинья, идешь? — спросилъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу, — отвѣчаетъ свинья.

— Иди съ нами!

Пошли втроемъ дальше. Навстрѣчу имъ попадается гусь.

— Куда, гусь, идешь? — спрашиваетъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу, — отвѣчаетъ гусь.

— Ну, иди за нами!

Вотъ и гусь пошелъ за ними. Идутъ, а навстрѣчу имъ пѣтухъ.

— Куда, пѣтухъ, идешь? — спрашиваетъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу, — отвѣчаетъ пѣтухъ.

— Иди за нами!

Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя:

— Какъ же, братцы-товарищи: время приходить холодное, гдѣ тепла искать?

Быкъ говорить:

— Ну, давайте избу строить, а то, правда, зимою позамерзнемъ.

Баранъ говорить:

— У меня шуба теплая, — вишь, какая шерсть! Я и такъ прозимую:

Свинья говорить:

— А по мнѣ хоть какие морозы — я не боюсь: зароюсь въ землю и безъ избы прозимую.

Гусь говорить:

— А я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ покроюсь, — меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую.

Пѣтухъ говорить:

— И я тоже!

Быкъ видить — дѣло плохо: надо одному хлопотать.

— Ну, — говорить, — вы какъ хотите, а я стану избу строить.

Выстроилъ себѣ избушку и живеть въ ней.

Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы. Баранъ видить—дѣло плохо, приходить къ быку.

— Пусти, братъ, погрѣться.

— Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба теплая: ты и такъ прозимуешь. Не пущу!

— А коли не пустишь, то я разбѣгусь и вышибу дверь съ петлей: тебѣ же будетъ холодно.

Быкъ думалъ-думалъ: «дай пущу, а то и вправду меня заморозить», и пустилъ барана.

Вотъ и свинья прозябла. Пришла къ быку:

— Пусти, братъ, погрѣться.

— Нѣтъ, не пущу; ты въ землю зароешься—и такъ прозимуешь!

— А не пустишь—такъ я рыломъ всѣ столбы подрою, твоя изба и развалится.

Дѣлать нечего, надо пустить,—пустилъ и свинью.

Тутъ пришли гусь и пѣтухъ.

— Пусти, братъ, погрѣться.

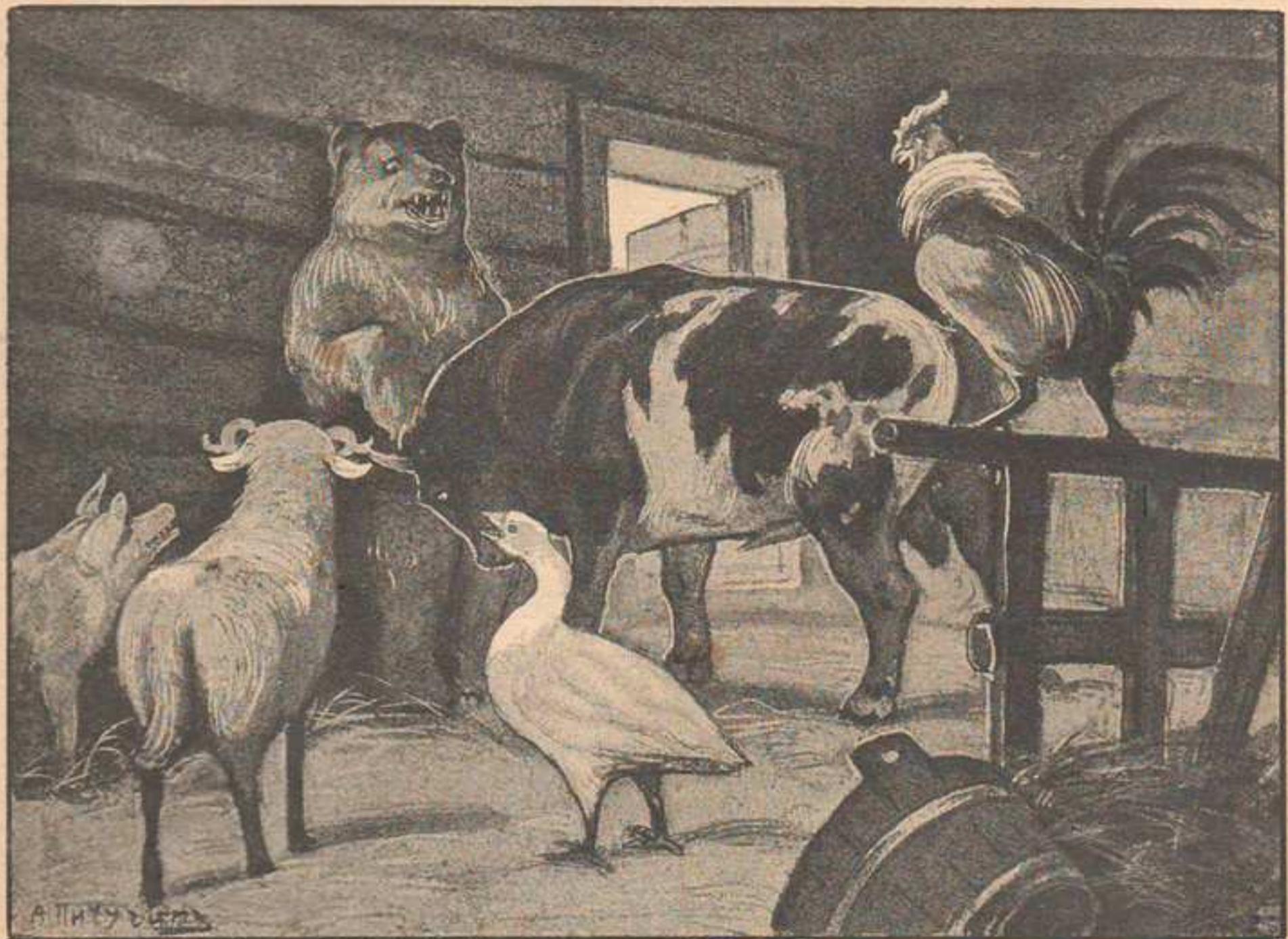
— Нѣтъ, не пущу; у васъ по два крыла: одно постелешь, другимъ покроешься—и такъ прозимуешь!

— А не пустишь,—говорить гусь,—такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повышилъ: тебѣ же холодно будетъ.

— Не пустишь,—говорить пѣтухъ,—такъ я взлечу на чердакъ, всю землю съ потолка сгребу: тебѣ же холоднѣе будетъ.

Что дѣлать быку? — Пустиль жить къ себѣ и гуся и пѣтуха.

Воть и зажили они себѣ въ избушкѣ. Узнали про то волкъ и медвѣдь.

— Пойдемъ, — говорять, — въ избушку; всѣхъ поѣдимъ, а сами станемъ тамъ жить.

Собрались и пришли къ избушкѣ. Медвѣдь говорить волку:

— Иди ты впередь!

А волкъ говорить:

— Мнъ не управиться. Иди ты впередъ!

— Ну, смотри же, не выдавай меня, — сказалъ медвѣдь и пошелъ въ избушку.

Только вошелъ, быкъ и приперъ его рогами къ стѣнѣ, а баранъ разбѣжался да какъ ударить медвѣдя въ бокъ и сшибъ его, а свинья рветъ и мечеть въ клочки, а гусь подлетѣлъ — глаза щиплетъ, а пѣтухъ сидитъ на перекладинѣ да кричитъ:

— Подайте его сюда! Подайте его сюда.

Волкъ услыхалъ крикъ да бѣжать. Вотъ медвѣдь рвался-рвался, насилиу вырвался, прибѣжалъ и разсказываетъ волку:

— Ну, что мнъ было! До смерти чуть не забили. Да еще одинъ на перекладинѣ сидѣлъ да все кричалъ: «Подайте его сюда! Подайте его сюда!» Ну, если бы подали къ нему, кажись бы и смерть была!

Звѣри въ ямѣ.

ла свинья въ Питеръ на людей поглядѣть и себя показать. Попадается ей волкъ навстрѣчу и спрашиваетъ:

— Свинья, свинья! Куда идешь?

— Въ Питеръ на людей поглядѣть и себя показать.

— Возьми и меня съ собой.

— Пойдемъ, куманекъ!

Шли-шли, попадается лиса навстрѣчу.

— Свинья, свинья! Куда идешь?

— Въ Питеръ на людей поглядѣть и себя показать.

— Возьми и меня.

— Пойдемъ, кума.

Шли они, шли, попадается имъ заяцъ.

— Свинья, свинья! Куда идешь?

— Въ Питеръ на людей поглядѣть и себя показать.

— Возьми и меня съ собой.

— Ступай, косой.

Потомъ попросилась еще бѣлка.

И вотъ они шли-шли... Вдругъ видѣть на дорогѣ яма глубокая и широкая. Свинья прыгнула и попала въ яму, а за ней и волкъ, и лиса, и заяцъ, и бѣлка. Долго они сидѣли, сильно проголодались, — ъесть-то нечего, да и изъ ямы никакъ не выбраться. Лиса и придумала.

— Давайте, — говорить, — тянуть: кто всѣхъ тонше запоѣтъ, того и съѣдимъ.

Волкъ затянулъ толстымъ голосомъ: «О-о-о!» Свинья немного помягче: «У-у-у!» Лиса и того мягче: «Э-э-э!» А заяцъ съ бѣлкою тонкимъ голоскомъ: «И-и-и!» Тотчасъ разорвали звѣри зайца и бѣлку и съѣли со всѣми косточками.

На другой день лиса опять говорить:

— Кто толще всѣхъ запоѣтъ того и скушаемъ.

Волкъ всѣхъ толще затянулъ: «О-о-о!» Ну, его и съѣли.

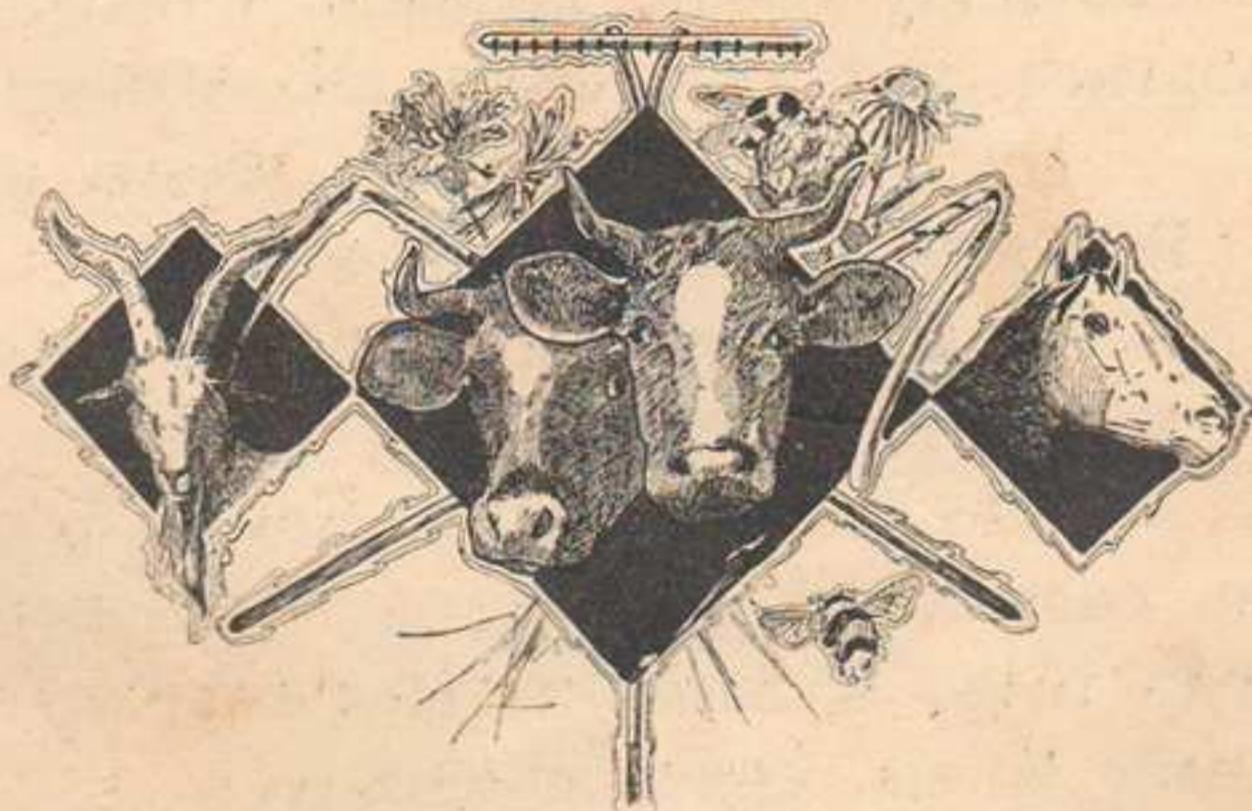
А лиса мясо скушала, кишечки подъ себя спрятала. Дня черезъ три сидѣть да ъесть себѣ кишечки. Свинья и спрашиваетъ:

— Что ты, кума, кушаешь? Дай-ка и мнъ.

— Эхъ, свинья! Вѣдь я свои кишечки таскаю. Разорви и ты свое брюхо, таскай кишечки и закусывай.

Свинья такъ и сдѣала: разорвала свое брюхо и досталась лисъ на обѣдъ.

Осталась ли лиса одна однехонька въ ямѣ, вылѣзла ль она оттуда, или и теперь тамъ сидить — право, не знаю.

Мужикъ, медвѣдь и лиса.

Подружился медвѣдь съ мужикомъ. Вздумали они вмѣстѣ рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ:

— Мнѣ корешокъ, тебѣ, Миша, вершокъ.

Выросла у нихъ рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша — вершки. Видѣть Миша, что ошибся, и говорить мужику:

— Ты, братъ, меня надуешь! Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведешь.

Прошелъ годъ. Мужикъ и говорить медвѣдю:

— Давай, Миша, сѣять пшеницу.

— Давай, — говорить Миша.

Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница. Мужикъ и говорить:

— Теперь ты что возмешь, Миша: корешокъ или вершокъ?

— Нѣть, братъ, теперь меня не надуешь! Пода-
вай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ.

Собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ на-
молотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ, пришелъ
къ Мишѣ и говорить ему:

— Вотъ, Миша, какая верхушка-то!

Медвѣдь разсердился и говорить:

— Теперь, мужикъ, я тебя сѣмъ!

Мужикъ отошелъ и горько заплакалъ.

Бѣжитъ лиса, видитъ, мужикъ плачетъ, и спра-
шиваетъ:

— Что ты плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, какъ не потужить? Меня
медвѣдь想要 сѣсть!

— Не бойся, дядя: не сѣсть! — сказала лиса.

И пошла сама въ кусты, а мужику велѣла стоять
на томъ же мѣстѣ; вышла потомъ изъ-за кустовъ и
спрашиваетъ:

— Мужикъ, а мужикъ, нѣть ли здѣсь волковъ-
бирюковъ и медвѣдей?

А медвѣдь подошелъ къ мужику и тихонько го-
ворить ему:

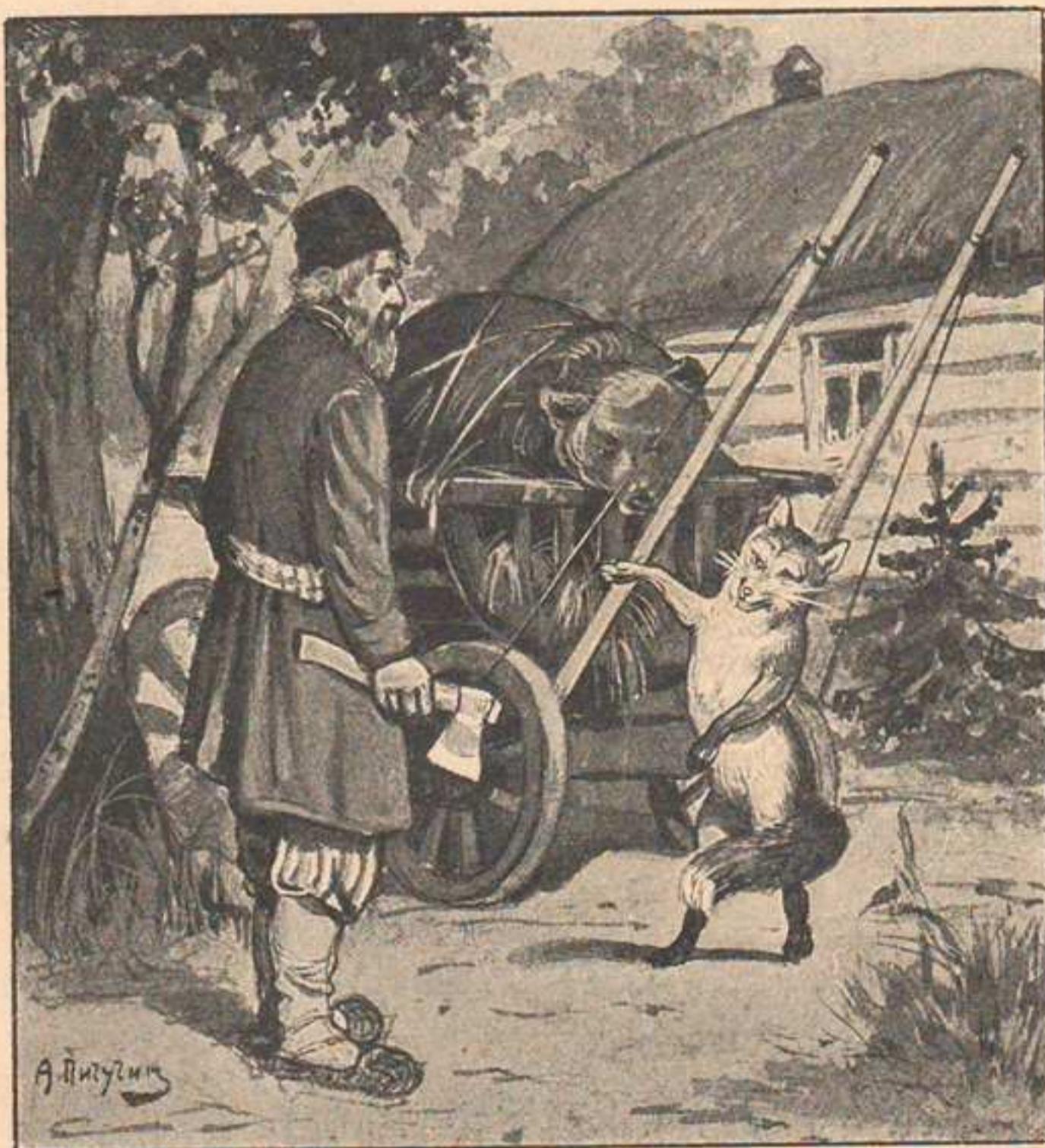
— Ой, мужикъ, не сказывай, не буду тебя Ѳеть!

Мужикъ и говоритъ лисѣ:

— Нѣту!

Лиса засмѣялась и сказала:

— А у тельги-то, что лежить?
Медвѣдь шепчетъ мужику:
— Скажи, что колода.
— Кабы была колода,— отвѣчаетъ лиса,— она бы
на тельгѣ была увязана!

А сама убѣжала опять въ кусты.
Медвѣдь сказалъ мужику:
— Свяжи меня и положи на тельгу.
Мужикъ такъ и сдѣлалъ.

Воть лиса опять вышла изъ-за кустовъ и спрашиваетъ:

— Мужикъ, а мужикъ, нѣть ли у тебя волковъ-бирюковъ и медвѣдей?

— Нѣту!—отвѣчаетъ мужикъ.

— А на телѣгѣ-то что лежитъ?

— Колода.

— Кабы то была колода,—сказала лиса.—въ нее бы топоръ быль воткнутъ.

Медвѣдь и говорить мужику потихоньку:

— Воткни въ меня топоръ.

Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, медвѣдь и издохъ.

— Ну, что ты мнѣ теперь, мужикъ, за работу дашь?—спрашиваетъ лиса.

— Дамъ я тебѣ пару бѣлыхъ куръ,—говорить мужикъ,—а ты неси—не гляди.

Лиса взяла у мужика мѣшокъ и понесла, шла-ша и думаетъ: «Дай погляжу, что въ мѣшкѣ лежить». Глянула, а тамъ двѣ бѣлые собаки.

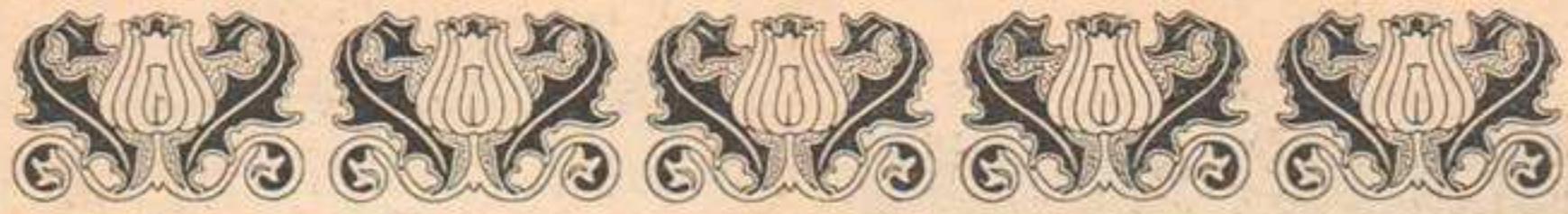
Собаки какъ выскочатъ изъ мѣшка да за нею. Лиса отъ нихъ. Бѣжала-бѣжала да подъ пенекъ въ норку и ушла; сидѣть тамъ и говорить сама съ собою:

— Что вы, ушки, дѣлали?—Мы все слушали!—А вы, ножки, что дѣлали?—Мы все бѣжали!—А вы,

глазки?—Мы все глядѣли!—А ты, хвостъ?—А я все мѣшалъ!—Постой же, я тебѣ дамъ!—Взяла, да и вы-
сунула хвостъ собакамъ.

Собаки ухватились за хвостъ, вытащили лису и
разорвали.

Морозко.

одной мачехи были падчерица да родная дочка. Родную-то она любила. Родная что ни сдѣлаетъ, даже худого, за все ее гладила по головкѣ да приговаривала: умница! Падчерицу мачеха ненавидѣла. Падчерица, какъ ни угодждала, ничѣмъ угодить не могла: все не такъ, все худо. А надо правду сказать, дѣвочка была золото; въ добрыхъ рукахъ она бы какъ сырь въ маслѣ каталась, а у мачехи каждый день слезами обливалась...

Придумала мачеха падчерицу со двора согнать, извести:

— Вези, вези, старикъ, ее, куда хочешь, чтобы мои глаза ея не видѣли, чтобы мои уши о ней не слыхали; да не вези къ роднымъ, въ теплую хату, а въ чистое поле, на лютый морозъ!

Старикъ затужилъ, заплакалъ: жаль ему дочку. Однако посадилъ дѣвочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой—и то побоялся. Повезъ сиротинку въ чисто поле, посадилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобы глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творить. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ.

— Дѣвушка, дѣвушка,
я—Морозъ красный носъ!
Хорошо ли тебѣ?

— Добро пожаловать,
Морозъ! Знать, Богъ тебя
принесъ по мою душу грѣш-
ную. мнѣ хорошо!

Морозъ хотѣлъ ее ткнуть
и заморозить, но полюби-
лись ему ея умныя рѣчи,

жаль стало. Бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, поджала ножки, сидѣть. Опять пришелъ Морозъ красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ.

— Дѣвушка, дѣвушка, я—Морозъ красный носъ! Хорошо ли тебѣ?

— Добро пожаловать, Морозъ! Знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную. Мнѣ хорошо!

Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу: онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубѣ на сундукѣ, такая веселенькая да пригожая!

Опять пришелъ Морозъ красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его встрѣтила ласково, а онъ ей подарилъ платье, шитое и серебромъ и золотомъ. Надѣла она и стала такая нарядница! Сидѣть и пѣсенки по пѣваетъ. А мачеха по ней поминки справлять, напекла блиновъ.

— Ступай, мужъ, вези хоронить свою дочь.

Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ:

— Тявъ, тявъ! Старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!

— Молчи, дура! На блинѣ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковѣ однѣ косточки привезутъ!

Собачка сѣла блинѣ да опять:

— Тявъ, тявъ! Старикову дочь въ златъ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не беруть!

Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое:

— Старикову дочь въ златъ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмуть.

Скрипнули ворота, растворились двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица—что королева! Мачеха ахнула и руки врозь.

— Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! Посади на то же поле, на то же мѣсто.

Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ Морозъ красный носъ, поглядѣть на свою гостью, попрыгать, поскакать и говорить:

— Дѣвушка, я—Морозъ красный носъ! Хорошо ли тебѣ?

— Убирайся ты вонъ, лиходѣй! Я озябла!—закричала сердито дѣвушка.

Три раза приходилъ Морозъ и спрашивалъ дѣвушку, но хорошихъ рѣчей не дождался; разсердился, хватилъ ее и заморозилъ.

— Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали да сундукъ не оброни.

А собачка подъ столомъ:

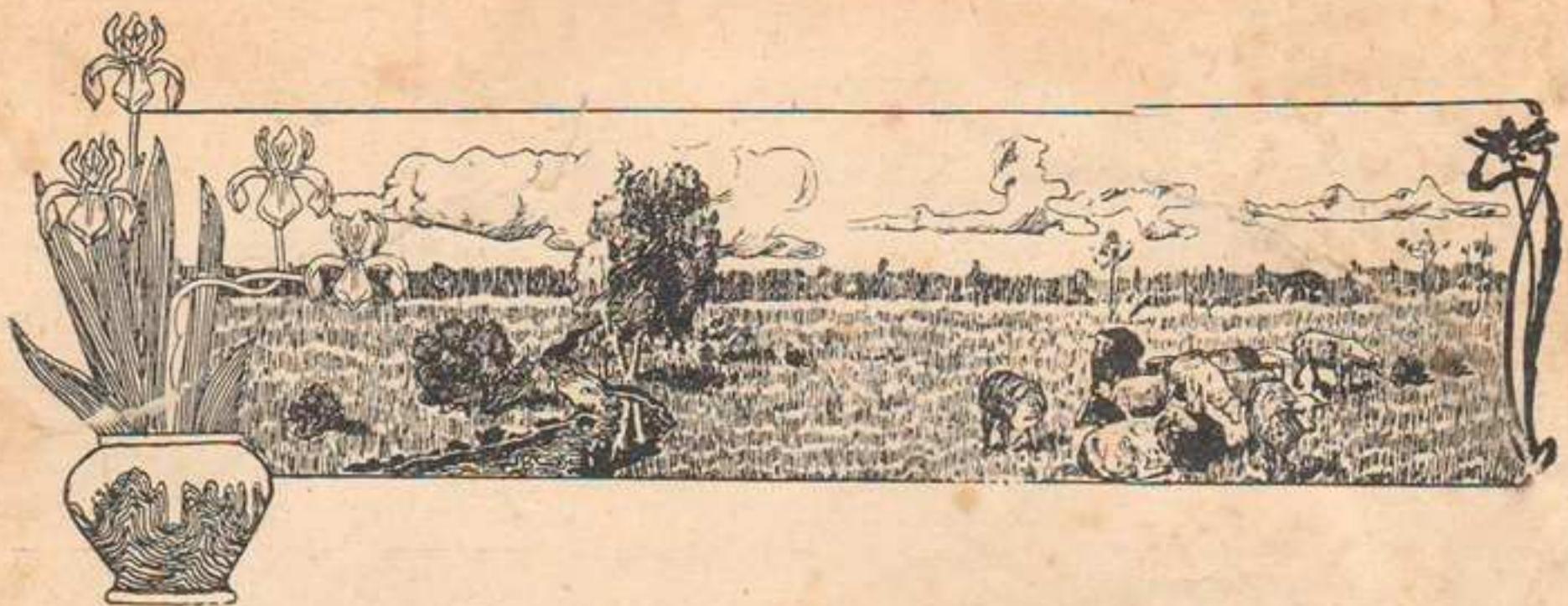
— Тявъ, тявъ! Старикову дочь женихи возьмуть а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!

Не ври! На широгъ, скажи: старухину въ златъ, въ серебръ везуть!

Растворились ворота, старуха выбежала встрѣтить дочь, а вмѣсто нея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила старуха, да было поздно.

Сивка-бурка.

M

ы думаемъ, что мы умны, а старики спорятъ: «Нѣтъ, мы умнѣе васъ были». То не выдумка, а быль. Сказка сказываетъ, что когда еще наши дѣды не учились и пращуры не родились, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ такой старишокъ, который трехъ своихъ сыновей научилъ грамотѣ и всему книжному.

— Ну, дѣтки,—говорить онъ имъ,—умру я — приходите ко мнѣ на могилу читать.

— Хорошо, хорошо, батюшка! — отвѣчали сыновья. Два старшихъ сына старика были молодцы: и рослы, и дородны, и умны. А меньшой, Ванюша, плохой уродился: какъ недоросточекъ, какъ оцищанный утеночекъ. Отецъ умеръ. Въ ту пору въ томъ

царствъ отъ царя разнеслась вѣсть, что дочь его царевна Елена Прекрасная приказала выстроить себѣ теремъ о двѣнадцати столбахъ, о двѣнадцати вѣнцахъ. Засядеть она въ томъ теремѣ на высокомъ тронѣ и будеть ждать жениха, уда-
лого молодца, который бы на конѣ-быстроходѣ до-
прыгнуль бы до нея и съ
одного взмаха поцѣловалъ
ее въ губки. Всполошился
весь народъ и раздумы-
ваетъ: кому жъ такая честь
выпадетъ?

Младшій братъ гово-
рить:

— Братья, отецъ умеръ;
кто изъ насъ пойдетъ на
могилу читать?

— А кого охота береть,
тотъ пускай и пдетъ,—
отвѣчали братья.

Ваня пошелъ. А старшіе
братья знай себѣ коней
обѣзждаютъ, кудри завиваются, охорашиваются, на-
дѣются. Пришла другая ночь.

— Братья! я прочиталъ,— говорить Ванюша,—
ваша очередь. Который пойдетъ?

— А кто хочетъ, тотъ и читай, а намъ дѣло дѣлать не мѣшай.

Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетѣли, понеслись, загуляли въ чистомъ полѣ. Ванюша опять читаль; на третью ночь то же. А братья выѣздили коней, расчесали усы, собираются не нынче, такъ завтра попытать свое удальство передъ очами царевны Елены Прекрасной.

«Братъ ли меньшого? — думаютъ. — Нѣть, куда съ нимъ! Онъ дурачокъ и нась осрамить и людей насмѣшить; пойдемъ одни».

Поѣхали. А Ванюшъ очень хотѣлось поглядѣть на царевну Елену Прекрасную. Заплакалъ онъ, горько заплакалъ. Пойдѣлъ на могилу къ отцу. Услышалъ его отецъ въ домовинѣ, вышелъ къ нему, отряхнулъ съ чела сыру землю и говоритъ:

— Не тужи, Ваня! Я твоему горю пособлю.

Тотчасъ старикъ свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, соловыинымъ посвистомъ. Откуда ни взялся — конь Сивка-бурка бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей, изъ ушей пламя пышеть; заржалъ и сталь передъ старикомъ, какъ вкопанный, и спрашиваетъ:

— Что велѣшь?

Отецъ велѣлъ сыну влѣзть въ ухо коня Сивки-бурки. Влѣзъ Ваня въ одно ушко, вылѣзъ въ другое — и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать! Сѣль онъ на Сивку-бурку,

подбоченился и полетѣлъ, что твой соколъ, прямо къ палатамъ царевны Елены Прекрасной. Разбѣжался, подскочилъ — двухъ вѣнцовъ не достасть; взвился опять, разлетѣлся, скакнулъ — одного не достасть; еще закружился, еще завертелся, понатужился, какъ молния мелькнула мимо глазъ — и прямо въ губки поцѣловалъ Елену Прекрасную.

— Кто? кто? Лови! лови! — а его и слѣдъ проплылъ.

Прискакалъ на отцову могилу, Спвку - бурку пустилъ въ чистое поле, а самъ въ землю поклонъ да просить совѣта родительскаго. Старикъ и пословѣтовалъ. Домой пришелъ Иванъ, какъ нигдѣ не бывалъ. Братья рассказываютъ, гдѣ были, что видѣли, а онъ какъ впервѣй слышитъ. Только лобъ у него завязанъ.

На другой день опять сборище: и бояръ и дворянъ у княжихъ палатъ столько пришло, что глазомъ не окинешь. Поѣхали старшіе братья; пошелъ и меньшой братъ пѣшечкомъ, скромно, словно не онъ цѣловалъ царевну, и сѣлъ въ дальний уголокъ. Царевна Елена Прекрасная спрашиваетъ жениха:

— Кто же мой женихъ? Хочу его всему свѣту показать, хочу ему полцарства отдать!

А женихъ не является. Его ищутъ между боярами. Всѣхъ перебрали — нѣту. А Ваня глядить на всѣхъ, ухмыляется, улыбается и лобъ рукой держитъ.

Елена Прекрасная и говорить:

— Тотъ мой женихъ, у котораго на лбу печать отъ моего перстенька. Я не промахъ. Онъ меня поцѣловалъ, а я его и замѣтила.

Встала сама, повела яснымъ окомъ, освѣтила всѣхъ, увидала и узнала своего жениха. Подошла къ Ванѣ-дурачку, взяла его за руку и показала всѣмъ, посадила его съ собою и скоро съ нимъ обвѣнчалась. А онъ-то, Боже мой! какой сталъ умный да смѣлый да какой красавецъ!.. И я на той свадьбѣ былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

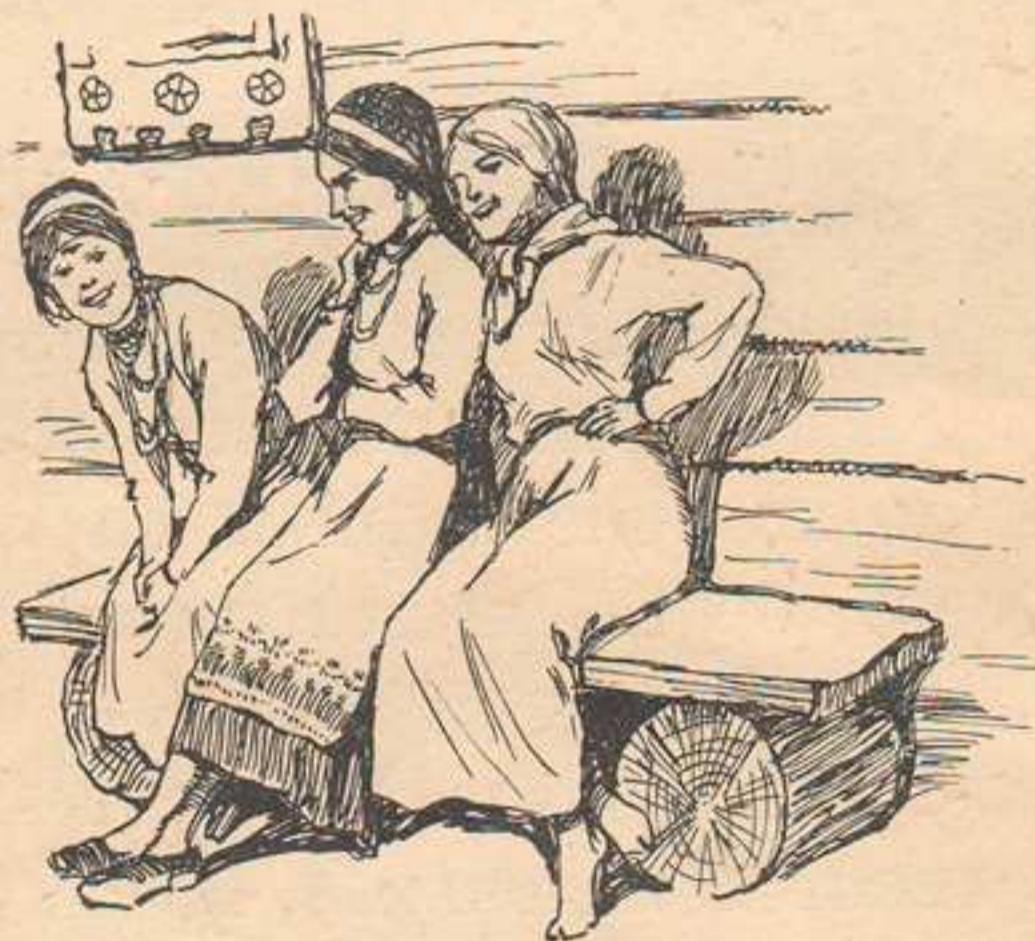
Крошечка-Хаврошечка.

Старики правду говорять, а вамъ слушать велять... Знаете ли, что есть на свѣтѣ и хорошие люди и похуже?.. Есть и такие, что своего брата не стыдятся и Бога не боятся...

Къ такимъ-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой. Взяла ее одна женщина, выкормила, выrostила и работой заморила. Сиротка Крошечка-Хаврошечка свѣта Божьяго не видѣла: и шила, мыла, и подавала, и прибирала, и за все за это виновата была, и только колотушки получала. Ходила она рваная, грязная, нечесаная, немытая, худая и голодная.

У Хаврошечкиной хозяйки были три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка. Онъ только и знали, что у воротъ сидѣть, да хотать, да на улицу глядѣть. А

Крошечка-Хаврошечка цѣлые дни на нихъ работала, ихъ обшивала, на нихъ пряла и ткала, а отъ всѣхъ сестеръ никогда добраго слова не слыхала. Вотъ то-то и больно сиротъ: обидѣть да толкнуть есть кому, а приласкать, пожалѣть—нѣтъ никого. Тяжела жизнь сиротская! Только пришло такое время, что купила

хозяйка рябую коровку и заставила Хаврошечку ее пасти. Коровка была тихая, смысленая.

Пошла ее Крошечка-Хаврошечка пасти въ поле, гнала ее хворостинкой и тихо приговаривала:

— Иди, иди, коровушка-буренушка, иди, иди, милая.

Вывела она ее въ поле. А коровушка смотрить на нее таково смыслено, точно жалѣть ее.

Крошечка-Хаврошечка обняла ее за шею, прилегла головой, заплакала и говорить:

— Охъ, коровушка-буренушка, меня бывать, журять, хлѣба не даютъ, плацать не велять. Къ завтраму хозяйка работы выше силы надавала, а коли не сдѣлаю—приколотить меня. Велѣла мнѣ пять пудовъ нитокъ спрясть, соткать, холстъ побѣлить и въ трубку скатать.

А коровушка вдругъ ей отвѣтила:

— Не плачь, красная дѣвушка, влѣзъ ко мнѣ въ одно ушко, а въ другое вылѣзъ—все будетъ сработано.

Такъ и сбылось.

Вылѣзла Хаврошечка изъ ушка—холстъ готовъ: и сотканъ, и побѣленъ, и въ трубку скатанъ. Отнесла она его къ хозяйкѣ. Та поглядѣла, покряхтѣла, подивилась, ничего ей не сказала и еще больше работы дала.

Хаврошечка опять пошла со своей коровушкой въ поле, все ей рассказала, поплакала. Коровушка снова сказала:

— Не плачь, красная девушка, вльзь въ мое правое ушко, а выльзь изъ льваго, и все будетъ сдѣлано.

Крошечка-Хаврошечка такъ все сдѣлала и готовое хозяйкъ принесла.

А хозяйка-то удивляется и пуще злится. Надавала она девушки работы видимо-невидимо: велѣла полно соткать, побѣлить и рубашки спить.

Позвала баба свою дочь Одноглазку и наказала ей:

— Поди, дочушка моя хорошая, дочушка прігожая, догляди-ка ты, кто сиротъ-Хаврошкъ помогаетъ. Не одна же она и ткетъ, и прядеть, и въ трубку катаеть.

Пошла Одноглазка съ Крошечкой-Хаврошечой въ поле. Коровушка-буренушка впереди шла. Одноглазка все ее прутомъ стегала и кричала:

— Ну пди скорѣе, лѣнивая, дурная!

Пришли онъ на поле. Одноглазка въ тѣни на травушкѣ разлеглась, на солнышкѣ распеклась и забыла матушкино приказаніе. А Хаврошечка надъ ней стояла, вѣточкой махала да приговаривала:

Спи глазокъ! Спи глазокъ!

Глазокъ и заснуль. У одноглазки и глазъ быль одинъ.

Только это Одноглазка заснула, какъ коровушка тихо сказала Хаврошечкѣ:

— Лѣзь скорѣе въ одно ушко и вылѣзь въ другое.

Она все такъ и сдѣлала. И вся работа была готова и рубашки сшиты.

Одноглазка проснулась, на работу Крошечки-Хаврошечки подивилась. А мать ея такъ ничего и не дозналась и еще больше на сироту разозлилась и столько надавала ей работы, что даже и не высказать.

На другой день баба послала свою дочь Двуглазку и наказала ей:

— Дочурка моя хорошая, дочурка моя прігожая, присмотри за сиротой-Хаврошкой, кто ей пособляетъ.

Двуглазка пошла съ Крошечкой-Хаврошечкой въ лѣсъ, и погнали онѣ коровушку. Двуглазка все на коровушку зря сердилась и по бокамъ ее хворостиной хлестала. Пришли онѣ къ лѣсу. Двуглазка тоже на солнышкѣ распеклась, на травушкѣ разлеглась, материнно приказаніе забыла и глаза смежила. А Крошечка-Хаврошечка надъ ней стояла, вѣточкой махала и приговаривала:

— Спи одинъ глазокъ, спи другой глазокъ! Спи одинъ глазокъ, спи другой глазокъ!

Оба глаза и заснули. А Хаврошечка тѣмъ временемъ въ одно ушко коровушки влѣзла, въ другое вылѣзла. И вся работа была сдѣлана исправно.

Двуглазка подивилась, а мать ея такъ ничего и не дозналась. Дала она тогда Крошечкѣ-Хаврошечкѣ столько работы, что, казалось, и въ три года не передѣлать. Позвала она свою меньшую дочь Триглазку и наказала ей:

— Дочушка моя пригожая, дочушка моя хорошая, пригляды ты за спротой-Хаврошкой. Дознайся, кто ей помогаетъ. Зачѣмъ намъ ее держать. Она только даромъ хлѣбъ Ѣсть. Мы ее прогонимъ.

Триглазка пошла съ Хаврошечкой въ лѣсъ, коровушку онъ гнали впередъ, и Триглазка ее прутомъ хлестала. Пришли онъ въ лѣсъ, и Триглазка попрыгала-попрыгала и, какъ старшія сестры, на траву спать завалилась. А Крошечка-Хаврошечка надъ ней стояла, вѣточкой ее обмахивала и напѣвала:

— Спи одинъ глазокъ — засыпай! Спи другой глазокъ — засыпай!

О третьемъ-то она и забыла. А у Триглазки было три глаза. Два глаза заснули, а третій все видѣлъ: видѣлъ онъ, какъ дѣвушка коровушку ласкала, какъ жаловалась ей, какъ влѣзла въ одно ушко, какъ вылѣзла изъ другого и какъ коровушка помогала ей работать.

Пришла Триглазка домой и все что видѣла, матери рассказала. Тогда баба велѣла своей дочери Одноглазкѣ пасти коровушку и задала ей работу.

Но какъ она ни пробовала влѣзть въ ушко коровушкѣ, а не могла. Какъ она ни колотила коровушку, та не стала ей помогать. Одноглазка матери пожаловалась. Баба Крошечку-Хаврошечку поколотила и къ своему мужу побѣжала и сказала:

— Зарѣжь рябую корову. Она мало молока даеть.
Старикъ удивился.

— Что ты, жена, въ умъ ли! Корова молодая,
хорошая. Ни за что не зарѣжу.

Баба разсердилась.

— Рѣжь и рѣжь! Она бодается.

Старикъ такъ и сякъ ее уговаривалъ. Но развѣ злую бабу можно уговорить: знай злится и кричить:

— Нѣть рѣжь и рѣжь! Она мопхъ дочерей испортить!

Нечего дѣлать. Старикъ взялъ ножъ и пошелъ его точить.

Крошечка-Хаврошечка побѣжала въ хлѣвъ, обхватила коровушку за шею и горько-горько заплакала:

— Охъ, горе-горькое, моя коровушка-буренушка, тебя хотятъ зарѣзать! Старикъ пошелъ ножикъ точить.

Дѣвушка горевала, плакала, что ручей журчала. А коровушка ее утѣшать стала:

— Не плачь, красна дѣвица! Не горюй, милая. Слушай, что я тебѣ скажу.

— Охъ, коровушка-буренушка, мнѣ жаль тебя,— плакала Хаврошечка, что рѣка лилась.

— Не горюй, красна дѣвица. Никогда не забывай меня!—сказала коровушка.

— Мнѣ ли забыть тебя! Ты одна на всемъ свѣтѣ пожалѣла меня,—отвѣчала дѣвушка и пуще прежняго занлакала.

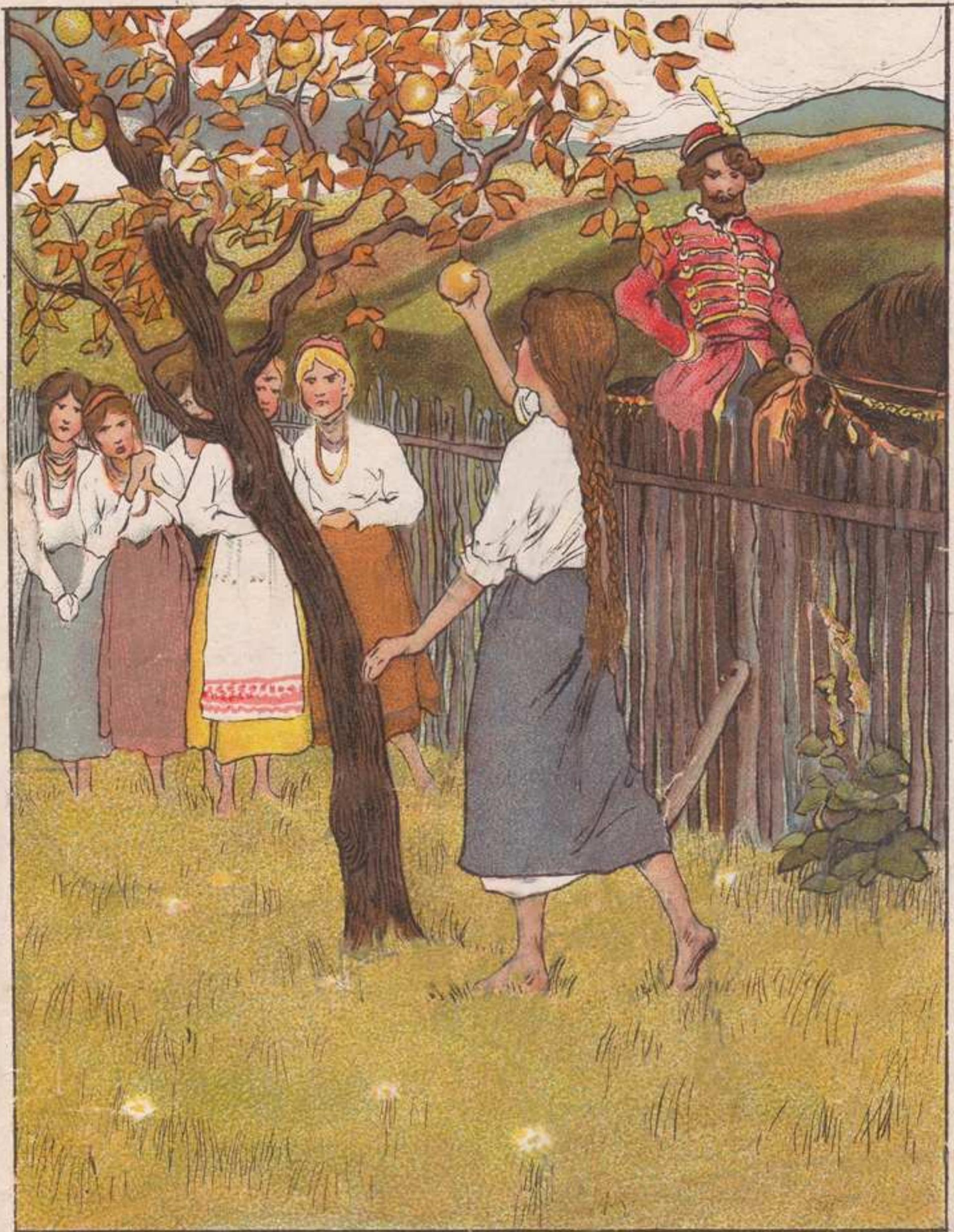
— Слушай, что я тебѣ скажу... Какъ зарѣжутъ меня, ты моего мяса не ъешь, а всѣ мои косточки въ платочекъ собери и въ саду посади. Вспоминай меня и по утрамъ косточки мои свѣжей водицей поливай.

Старикъ и баба коровушку рябую зарѣзали. Баба и ея дочери Хаврошечку еще больше работой морить стали и всѣмъ попрекали.

Крошечка-Хаврошечка все сдѣлала, какъ коровушка ей завѣщала: мяса ея и въ ротъ не взяла, хотя все время голодомъ сидѣла. Косточки она въ саду посадила и каждый день поливала ихъ, плакала тутъ и коровушку-буренушку вспоминала.

Долго ли, коротко ли, выросла изъ косточекъ яблонька — такая красива да пышная, что заглядѣнья. Листья на ней шумѣли золотые, вѣтви гнулись серебряныя, а яблочки были наливныя, янтарныя. Кто мимо ни ходилъ — останавливался, кто ни шелъ — такъ заглядывался: налюбоваться не могли.

Баба и дочка не мало дивовались и на ту яблоньку радовались.

Случилось однажды, что по саду гуляли Одноглазка, Двуглазка, Триглазка съ подругами. Онъ веселились и играли. А Крошечка-Хаврошечка, согнувшись, день денской гряды полола. Всю спину дѣвушкѣ разломило, бѣлое лицо солнышко сожгло, рученьки занѣмѣли. Полетѣ она гряды, а сама слезы льетъ.

Вдругъ по полю топотъ раздался... На ворономъ конѣ къ саду подѣхалъ молодой баринъ, красивый, кудрявый—кафтанъ на немъ алый бархатный, шапка грабекренъ. Остановился онъ, подбоченясь на яблоньку смотритъ-любуется, съ дѣвушками готорить, заигрываетъ...

— Эхъ, дѣвушки-красавицы, хороша у васъ яблонька.

— Хороша да не твоя!—отвѣтили три сестры.

— Вотъ и будетъ моя... Которая изъ васъ подастъ мнѣ съ той яблони наливное яблоко—та моя суженая! Ту я за себя замужъ возьму.

Одноглазка, Двуглазка, Триглазка и всѣ подружки-дѣвушки наперерывъ къ яблонѣ бѣжать бросились. А яблочки то висѣли низко, вотъ-вотъ подъ руками были, а тутъ поднялись высоко-высоко и качаютъся надъ головами; вѣтки гнутся, словно манятъ, дразнить дѣвушекъ, а въ руки не даются. Дѣвушки прыгать стали, ловять ихъ, хватаютъ—анъ нѣтъ. Три

сестры хотѣли ихъ сбить, стали камнями бросать—
листья посыпались и глаза имъ засыпали; взяли онъ
палки, хотѣли сучья палками сломать—сучья имъ
косы растрепали, сарафаны перервали. Сколько онъ
ни бились ни сердились—не могли достать яблочка,
только ручки бѣлыя въ кровь исцарапали.

Вдругъ, откуда ни возьмись, явилась Крошечка-
Хаврошечка. Какъ между грядами сидѣла, такъ и
подошла. Руки въ землѣ, лицо въ поту. Яблонька
передъ ней вѣтки приклонила и яблочки опустила.

Дѣвушка сорвала самое, что ни на есть, лучшее
румяное наливное яблочко и, зардѣвшись, какъ ма-
ковъ цвѣть, подала его барину.

— Вотъ она моя суженая—невѣста милая!—ска-
заль баринъ.

Три сестры чуть отъ зависти не лопнули.

Крошечка-Хаврошечка вышла замужъ за того ба-
рина и стала въ добрѣ жить да поживать, лиха не
знавать и другимъ не желать.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

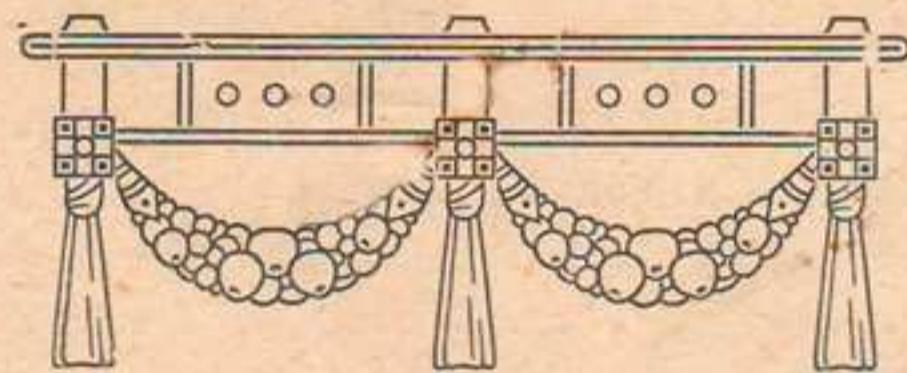
Отдѣль I. Для малютокъ отъ 3 до 5 лѣтъ.

	Стр.
Скокъ-поскоکъ	5
Барашеньки	6
Зайка	7
Комаръ-комарище.	8
Лучина	10
Тень-тень-потетень!	11
Въ чистомъ полѣ дубъ стоять	12
Рѣпа.	13
Что видѣла бабушка Арина.	15
Вотъ такъ диво!	17
Вставала ранешенько	19
Лисица и тетеревъ	21
Кошкинъ домъ	23
Зайчикъ-сватъ	25
Ворона и ракъ	27
Тетушка Арина и дядюшка Симеонъ	29
Курочка и пѣтушокъ	31
Работники	34
Пузырь, соломинка и лапоть	35
Журавль и цапля	37
Солнце, Морозъ и Вѣтеръ.	40
Колобокъ	43
Грибы	47
Три непослушныхъ маленькихъ кролика	50

Отдѣль II. Для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ.

Заинька	65
Рѣпка	68
Снѣгурушка и лисъ	72
Больной воробей	75
Мизгирь	77

	Стр.
Кикимора	80
Лиса и волкъ	82
Старая хлѣбъ-соль забываеться	85
Зимовье звѣрей	90
Звѣри въ ямѣ	95
Мужикъ, медвѣдь и лиса.	98
Морозко	103
Сивка-бурка	108
Крошечка-Хаврошечка	113

Цѣна 85 коп.

